

Это было в Мелитополе

Д. Торгон

Д. И. ГОРДОН

ЭТО БЫЛО В МЕЛИТОПОЛЕ

сокурснику, начетному
товарищу и земляку
олегу Бекпееву.

Натр. Атр. ином
2006

Симферополь

«Антиква»

2006

ГОРДОН Давид Ильич. С 1927 по 1941 год жил в Мелитополе. С 1941 по 1943 был в эвакуации, затем до 1950 служил в военно-морской авиации. С 1950 по 1954 год учился в Мелитопольском пединституте, откуда был направлен в Крым. Почти 50 лет проработал в школе, из них 30 лет директором.

Кроме книг по специальности, написал и мемуарно-беллетристические произведения: «Школьные годы чудесные», «Пусть сердце добром отзовется», «Повесть о нашей юности», «Незабываемые годы», «На Ляодунском полуострове».

Думал завершить свое творчество, но какой-то внутренний голос властно и неодолимо потребовал рассказать о Мелитополе 30-х годов XX столетия. И тем самым вписать хотя бы маленькую страничку в славную историю своего родного города. Так и появилась книжка «Это было в Мелитополе»...

ББК 63.3.(2Ук-4Кр)

Г 86

Г 86 Гордон Д. И.

Это было в Мелитополе. Повесть. — Симферополь: Ан-
тиква, 2006. — 130 с.

Редактор: Г. Н. Гржибовская

Технический редактор: А. В. Дудин

Компьютерная верстка: З. В. Эришечек

Подписано в печать 11.05.2006 г.

Печать офсетная. Гарнитура Times.

Бумага офсетная. Формат 60х84^{1/16}.

Объем 5,36 уч.-изд. л., 3,94 усл.-печ. л.

Тираж 100 экз.

Издательство «Антиква»

95000, Украина, АРК, г. Симферополь,

пер. Героев Аджимушкай, 6. Тел.: (0652) 60-02-98

© Гордон Д. И., текст. 2006.

К ЧИТАТЕЛЮ

Детям войны и их детям посвящается

Известно, что у людей пожилого и даже преклонного возраста проявляется способность помнить о «делах давно минувших дней». И они начинают «прокручивать» в ней факты и события, оценивая прошедшее с позиций сегодняшнего дня.

Но услужливая память избирательна: одни явления ей угодно воспроизводить отчетливо и выпукло, вроде они были вчера, другие так затуманит и замутит, будто вовсе ничего не было.

Поэтому заранее прошу прощения за то, что в книге одни события освещены отчетливо, другие лишь чуть обозначены, некоторые, быть может, не менее значимые — вообще не упомянуты.

В предлагаемой книжке я старался воспроизвести события из реальной жизни Мелитополя 30-х годов XX столетия — времени бурного и созидательного, но одновременно — тревожного и противоречивого. О чем эта книга? Прочитайте «Содержание» в конце ее и узнаете.

А если серьезно, то о событиях трудного, но радостного детства, страшном голоде и наводнении, о наших парках и стадионе, школе, о том, какие книги и кинофильмы мы любили, о друзьях-товарищах, о жизни и быте старшего поколения.

С одной стороны, события показаны в книге такими, какими их воспринимает мальчик от 5 до 14 лет, с другой, — я посчитал необходимым прокомментировать важные события, посмотреть на них глазами много повидавшего в жизни человека с позиций XX и начала XXI века. Быть может, не все мои комментарии покажутся бесспорными. Что ж, у каждого человека свое видение, свое мнение, а у каждого из моих читателей — свое право судить о достоинствах и недостатках этой книги.

*С уважением,
Д. И. Гордон*

Глава I

По улице Пахомова. «Мал золотник». Допрыгался. Дирижабль. Долой церковь. «Холодно — голодно». Репродуктор. Кузница. Голод: люди стали пухнуть. Кусочек хлеба. Рабочая столовая. Макуха. Торгсин. Я задерживаю «вора».

С самого дня моего рождения и до 25 сентября 1941 года, (почти 14 лет), мы жили по улице Пахомова, затем она называлась Акимовской и, наконец, им. С. М. Кирова. Наш двухэтажный дом был вовсе не «наш», а принадлежал хозяину, Марку Владимировичу Камерштейну. Мы жили в полуподвале, и квартира наша была самой незавидной, хотя мы и занимали три комнаты. Но они были сырые и темноватые. В двух смежных жили сами, а третью, отдельную, сдавали бедным студентам, которые платили нам за нее гроши. На первом этаже находились какие-то хозяйственные помещения.

На втором этаже жила семья хозяина, а несколько комнат они сдавали под общежитие библиотечного техникума.

Семья наша — это отец с матерью и мы со старшим братом, уже школьником. Отец где только ни работал, чтобы как-то содержать нас: был и ремесленником-кожевником и черныльником, и сторожем на хлебозаводе, и завхозом в промкооперации. Мать моя — домохозяйка. «Сидела дома», — как говорил отец. На самом деле она и минуты не сидела без дела, а была вечной труженицей. Варила, мыла посуду, стирала, убирала квартиру, гладила паровым утюгом, жарила-шкварила, если было что, ходила в магазины и стояла в нескончаемых очередях. Иногда она подрабатывала на швейной машинке «Зингер»: шила, перешивала, перелицовывала

одежду для нашей семьи и родственников, а иногда и просто знакомых. Таким образом «капала» в бюджет семьи.

Наш дом был не единственным во дворе. У самых ворот стоял одноэтажный домик на две квартиры. В одной из них жила семья Лядов. Исаак Ляд — грузчик, жена его Берта нигде не работала. Во второй квартире — семья Нафтулиных: взрослый сын Матвей, его сестра Надя, чуть старше меня, их мать и бабушка. Этот дом тоже принадлежал Камерштейну. Говорили, что он перешел к нему по наследству.

А на горке (наш двор был неровным), в собственном доме, жила семья молокан. Глава семьи — Василий, мужчина лет пятидесяти, у которого были дети моего возраста и старше, но все какие-то серьезные, молчаливые.

Отец подшучивал над Василием: «Ну, какой же ты молокан, если водку хлещешь, как сапожник?». Хотя Василий вовсе не хлестал, а пил водку вполне умеренно.

Все раннее детство мое и отрочество с радостями и огорчениями прошла в нашем дворе. Где бы и у кого бы я не бывал — я всегда возвращался в свой двор и дом.

Не раз мне приходилось слышать, что кто-то помнит себя чуть ли не с двух-трехлетнего возраста. Я не обладаю такой феноменальной памятью, но отдельные события лучше ли хуже помню с четырех лет своей жизни. А уж с пяти лет так отчетливо и выпукло, как будто эти события свершились совсем недавно.

Едва ли не первым моим воспоминанием был четвертый или пятый год моего рождения. Скорее четвертый, так как то, о чем я хочу рассказать, было еще до голода.

У меня болело горло и даже поднялась температура, и я не мог «гонять» по улице, а лежал на своей узкой железной кровати, когда поздравить меня с Днем рождения пришли давние приятели нашей семьи — муж с женой Черняки: дядя Гавриил и жена его тетя Соня. Отца с дядей Гавриилом связывала многолетняя дружба. Вместе они воевали в первую мировую 1914 года, затем попали в австрийский плен. После окончания этой войны и возвращения на Родину, в Мели-

тополь, оказались мобилизованными сначала в Белую, затем во время гражданской войны и в Красную армию. Если дядю Гавриила «Бог миловал», как говорила моя мать, и он в военных передрягах не получил ни одной царапины, то отец мой в этих войнах был трижды тяжело ранен и в результате болел всю жизнь. Одна нога у него стала короче другой на четырнадцать сантиметров, и отец сильно хромал.

«А почему ему Бог не дал того, что дяде Гавриилу, — думал я, — и отец мой ходит не так, как все люди, а как раненая птица, и сильно болеет».

Черняки вначале зашли в большую комнату родителей, о чем-то там поговорили. Отец, как всегда подшучивал, а дядя Гавриил как-то медленно и вяло ему отвечал.

Дядя Гавриил был крупным, даже тучным мужчиной, первоклассным пекарем, знаменитым на весь город. В тот день он испек и принес мне в подарок огромный пирог. Тетя Соня — рослая женщина — вошла в нашу «детскую» стремительно, нагнулась ко мне, чмокнула меня в щеку, разжала кулак — на ладони лежал маленький эмалированный значок. Она сказала: «Мал золотник, да дорог».

А накануне я видел такой значок, когда ходил с матерью в магазин. Он стоил 14 копеек. «Да как же он дорог, если стоит всего 14 копеек», — простодушно брякнул я. Обиженная тетя Соня, как ужаленная, выскочила из комнаты и «выдала» моей матери: «Почему твой ребенок такой невоспитанный?» Мать оправдывалась и говорила примирительно, что я еще маленький и бесхитростный и еще не все понимаю.

Прошло месяца полтора-два после дня моего рождения. Однажды, как это было не раз, перепрыгивая через каменные ступеньки, ведущие в наш полуподвал, я промахнулся и со всего маху ударился лбом о камень. Вначале заорал, как резанный, даже на несколько секунд потерял сознание. На лбу у меня вскочил огромный шишак, и мать прикладывала к нему большой и увесистый медный пятак еще царского времени. Она долго раздавливала шишку на лбу, но та почти не уменьшалась.

«До свадьбы заживет», — говорила она при этом. Но не только метина на лбу осталась у меня на всю жизнь. Этот удар стал причиной частых головных болей в течение всей моей жизни.

Отец, придя с работы, сначала сочувственно посмотрел на меня, потом укоризненно сказал: «Допрыгался!»

Вообще я рос непоседливым ребенком, с которым всегда что-то случалось. То я бежал и разбивал колени и локти, то куда-то проваливался, то что-то на меня падало. Тело мое всегда было в ссадинах, измазанное йодом или зеленкой. Руки и ноги постоянно украшали кровоподтеки и синяки.

Но проходило какое-то время и на мне все заживало «як на собачи», как говорила старая бабушка Нафтулина. И тело мое недолго отдыхало от новых синяков и ссадин.

Помню грандиозное событие, которое буквально потрясло Мелитополь. Однажды я увлеченно играл с мальчишками. Потом мы услышали какой-то гул, шум. Вдруг мимо нашего двора по улице вверх побежали люди — взрослые и детвора — все были возбуждены и вразнобой что-то кричали.

Я разобрал только одно слово — «ДИРИЖАБЛЬ». Я уже и раньше слышал такое слово и знал, что это «что-то такое», что летает. Даже видел его в книжке на картинке. И мы, все кто играл во дворе, подавшись общей «панике», тоже примкнули к бегущим. Образовалась огромная толпа. Многие бежали тяжело дыша.

На большом пустыре, который был напротив парка (он тогда, кажется, уже назывался имени Кагановича, а еще позже — имени Максима Горького) собралась масса народа. На ветру трепыхал привязанный к земле огромный, как мне казалось, метров пятнадцать (а, может быть и больше), а в ширину шесть-восемь метров, похожий на огромную сигару, дирижабль.

Мы — маленькие юркие пацаны, просочились сквозь толпу и оказались в первых ее рядах.

Рядом с этой «машиной», трепещущей на ветру, прохаживались два человека. Они были в черных кожаных комбинезонах, шлемах и больших мотоциклетных очках на лбу.

Люди громко разговаривали, восхищались дирижаблем, но говорили о нем с какой-то опаской.

Взлетел ли дирижабль и что с ним стало в дальнейшем — я не знаю. Еще много дней было много разговоров о нем, пока не произошло новое событие, которое потрясло город и заставило забыть о предыдущем.

Дело в том, что на городском базаре, не знаю с каких времен, высилась красивая русская церковь. Звон ее колоколов был слышен не только в центре города, но и по всем окрестностям. К церкви привыкли и считали ее неотъемлемой частью города.

И однажды, когда мать взяла меня с собою на базар, произошло событие, которое запомнилось мне на всю жизнь.

Как обычно, возле церкви толпилась масса народу. Среди них было много нищих, которые сидели на паперти. А в этот день милиция почему-то оттесняла толпу на тротуар, к зданию городской типографии по улице Карла Маркса.

Вокруг церкви сновали какие-то люди, одетые в спецовки, с длинными веревками и бревнами в руках. По каким-то лестницам они с двух сторон взбирались на церковь. Я задрал голову вверх. Рабочие в спецовках доползли до звонницы и начали обматывать колокола веревками. Нас же оттесняли все дальше к типографии.

Вдруг большой колокол, поддетый бревнами, которые толкали и раскачивали рабочие, вначале наклонился, зашатался, словно раздумывая, падать ли ему, медленно наклонился, а затем враз рухнул на землю. Толпа отпрянула еще дальше, застонала, заорала. Многие крестились.

Вслед за колоколами принялись рушить саму церковь. Кто и когда разобрал ее до основания — не знаю. Но прошло не так уж много времени и от церкви и следа не осталось. Вроде бы ее никогда и не было.

Врезалось в память и такое событие «местного значения», произошедшее в детстве. После очередной травмы локтей и

коленок я не пошел гулять, а лежал на кровати, щедро смазанный зеленкой. В школе я еще не учился. А брат — ученик то ли второго, то ли третьего класса ходил по комнате и бубнил какое-то стихотворение, которое ему задали выучить наизусть. Вначале монотонное мурлыканье одних и тех же слов как-то усыпляло, но я невольно стал вслушиваться и на всю жизнь запомнил стихи неизвестного мне автора:

Холодно, голодно зараз в лисах,

Все потонуло в глубоких снегах.

Зайчики бигают, мерзнут, тримят —

Затышок хочуть собі видидукать.

Я даже представил себе дрожащего от холода зайчика, и мне до слез стало его жалко. Вот он мечется с места на место, ищет какое-либо укрытие. И найти его может только в снежном сугробе. Говорят, что зайцу или собачке на морозе не холодно, мол, их согревает шкура. Но ведь и у человека шкура, которая называется кожей. Но он зимой напяливает на себя пальто, шубу или телогрейку, а под ними еще рубашка и пиджак.

Почему мне запомнилось именно это стихотворение — не знаю. Ведь и позже я не раз слушал, как брат заучивал другие стихотворения, более интересные и содержательные. Недаром говорят, что человеческая память избирательна.

Отчетливо помню, как однажды (я уже учился, кажется, в первом классе) отец пришел с работы раньше обычного. В руках он держал что-то завернутое в чистую тряпицу. Был весел и разговорчив. Оказалось, что к концу дня было на заводе собрание и ему только что, как ударнику производства, вручили награду — репродуктор. Они тогда только входили в моду.

Черный, вроде бы из плотного картона, он был похож на большую вазу. Отец установил его на комод в большой комнате. Все мы, кроме отца, почему-то мало прислушивались к тому, что говорил репродуктор. Днем у всех было дел по горло. То уроки, то чтение интересных книг, то игры с друзьями. Музыка и песни тогда по радио передавали редко, а все официальные сообщения нам были мало понятны и неинтересны.

Лишь отец, обычно придя с работы, поев и чуть приведя себя в порядок, если не было срочных дел по дому, приспосабливался у комода, на котором стоял репродуктор. Он внимательно прислушивался к разным сообщениям и шикал на нас, если мы громко разговаривали.

С полдвенадцатого до двенадцати часов ночи, когда в доме уже все спали, он от первой до последней минуты выслушивал «Последние известия» и лишь тогда укладывался спать.

Утром 1 декабря 1934 года отец почему-то задержался дома, а я проснулся необыкновенно рано. Через полуоткрытую дверь видел, как отец прильнул к репродуктору. Диктор почему-то говорил тревожно. Я потихоньку вышел из нашей комнаты и увидел спорбившегося у репродуктора отца. Лицо его было тревожно-сосредоточенным, даже испуганным. По радио передали, что кто-то подло убил любимца партии — Сергея Мироновича Кирова. О нем я слышал, что он — пламенный революционер, один из соратников великого Сталина. Даже чуть позже прочитал книгу о нем «Мальчик из Уржума» — о детстве Сережи Кострикова (Кирова).

Я никак не мог понять, почему отец не только сочувствует горю, постигшему страну в связи со смертью этого известного человека, но тревожится и беспокоится. Но одна его фраза запомнилась мне на всю жизнь: «Ну, сейчас начнется!».

Что мог отец тогда знать, как он мог понять или догадаться, что после смерти Кирова в стране начнутся массовые репрессии, что искалечатся судьбы миллионов людей?

Тремя или четырьмя домами выше нашего в те далекие годы стояла кузница «ремесленника» Симковича. (Не уверен, правильно ли пишу его фамилию). Выйдя на улицу, я любил слушать мелодичный звук молоточка кузнеца и уханье кувалды его молодого здоровенного молотобойца.

Сам Симкович — крупный жилистый мужчина, лет пятидесяти, с раннего утра и до позднего вечера подковывал лошадей, на которых приезжали к нему мужики по пути на базар или обратно. Иногда у кузни была очередь.

Кузнец был сильным и добродушным человеком. Он не гонял нас, мальчишек, которые с любопытством, как завороненные, смотрели на его работу. Он властно, но не зло, поднимал ногу лошади и что-то колдовал с подковой. Работал он, видимо, искусно, потому что люди нахваливали его, говорили, что он хороший мастер «и коня понимает и человека», не «обдирала», иногда работает даже в дождь. Когда «прихлопнули» его кузницу — не знаю.

Наступил голод. О нем хотелось бы рассказать подробнее не только потому, что это страшное время, но и потому что в наши дни о нем говорят и пишут противоречиво, искажают очевидные факты. **А я был живым свидетелем, если можно так сказать, этого народного горя.**

Вначале из магазинов и даже базара стали исчезать продукты питания. Они быстро дорожали. С перебоями и все в меньших количествах начали продавать хлеб, который выпекали с разными примесями. Масла, круп, картофеля уже днем с огнем было не сыскать. Вначале оскудели, а затем полностью закончились наши домашние запасы. Хлеб стали давать по карточкам. Ежедневно урезали нормы и на работающих, и иждивенцев. С трехразового питания мы перешли на двух и одноразовое. Потом стали есть когда придется, а то и вовсе не ели. Уже чудом считалось, если отец или мать доставали какой-либо «кусочек». Иногда мать варила похлебку из картофельных шкурок. Затем и эта еда исчезла из нашего «рациона». В пустом голодном желудке постоянно урчало.

Только и было разговоров, что начался голод.

На всю жизнь запомнил день, вернее вечер, когда с опозданием отец пришел с работы. Нервными пальцами он никак не мог расстегнуть крючки своей куртки. Затем из бокового кармана извлек маленький сверток. Не раздеваясь, медленно развернул его. В нем оказался кусочек (потом я узнал 400 граммов) сырого липкого мякиша, который трудно было

назвать хлебом. Положил его на стол, вокруг сгрудилась вся наша семья, долго смотрел затуманенными глазами куда-то в пустоту, затем на меня с братом и вдруг горько заплакал. Судорожно всхлипывая, он говорил: «И это я должен дать своим детям, чтобы не умереть с голода? Я работаю с утра и до вечера и не могу накормить семью».

С того дня неделями и месяцами мы вообще не видели хлеба. Я, конечно, знал, что и родственники наши — соседи и просто знакомые — в таком же, как и мы, положении. Люди стали пухнуть с голода.

Один знакомый нашей матери, семью которого она когда-то «обшивала», устроил ее «по блату» официанткой в рабочую столовую. Мрачноватое помещение с трудом можно было назвать столовой. В меню было только одно блюдо, но двух разновидностей: суп с какой-то травой, говорили — с крапивой, а другой суп — это мутная жидкость, в которой плавали какие-то крупинки. Люди заказывали по три-четыре порции. Жидкость со зловонным запахом сливали в ведра, а оставшуюся «гушу» выпивали.

Заведующий столовой, который обедал вместе с рабочими, разрешил матери приводить меня и брата в столовую и пользоваться лишь тем, что люди сливали в ведра. Что нам могло достаться?

Отец устроился на нескольких работах. На кожевенной фабрике отдирали шкуры от туш, а несколько кусочков шкурок, которые лишь пахли мясом, приносил домой. Мать по много часов вываривала эти шкурки, и мы с жадностью съедали такое блюдо.

Отец теперь сторожил не через две ночи на третью, как раньше, а каждую ночь. Днем он еще где-то работал и лишь пару часов, свернувшись калачиком, мог поспать на какой-то служебной кушетке.

Изредка, когда отец оставался с матерью, они разговаривали, и я невольно подслушивал. Отец рассказывал, что от голода умер какой-то грек Постолоци, то какой-то Титов, то

их знакомый Титаренко и даже Гуревич с семьей. А мать называла людей, которые еще не умерли, но уже пухнут. «Неужели будет как в России в 21-м году?» — спрашивала она. А он ей: «Помнишь как у нас спасались от голода люди из Самары?» «Кто умер, того уж не вернешь», — рассуждал отец, — но как спасти наших детей?».

Не знаю, сколько бы еще мы могли выдержать, если бы ни одно спасительное «мероприятие», в котором я принимал непосредственное участие и, как говорили родители, помог им выжить. Это они конечно преувеличивали, чтобы хоть морально вознаградить меня за мои рискованные труды. Дело было так.

Мимо нашего двора по улице вниз, на маслобойню, проезжали редкие брички с головками подсолнуха, а оттуда после переработки они везли сухой жмых полукруглой формы. Мы, шестилетние пацаны, выработали своеобразную тактику. То мы подносили проезжающему вниз мужику кружку холодной воды, подлизываясь к нему, умасливая его заранее, то голодных коней гладили по морде. Дядька напоминал нас, «сердобольных». А мы рассредоточивались по двум сторонам дороги. Ждали часами. И когда наш знакомый возчик проезжал уже мимо нас вверх, понукая лошадей на крутом подъеме, мы, как стая голодных галчат, бросались на подводу и выхватывали из-под брезента куски макухи, как называли жмых от подсолнуха.

Вначале дядька делал вид, что не замечает нас, затем лениво, для порядка помахивал кнутом, а если мы уж больно нахальничали, по-настоящему сек кнутом по нашим спинам, отгоняя нас от подводы.

Нам удавалось вытащить из-под брезента по одному-два куску макухи. Довольные собой и гордые, мы тут же съедали кусочек сладкой, пахнувшей постным маслом, аппетитной макухи, а большую часть несли «в семью». Отец и мать на работе как-то еще устраивались и делали вид, что им не хочется есть, а голодный брат мой, — уже ученик — жадно съедал мою добычу.

Не помню, сколько времени продолжался наш «разбойничий» промысел, но мы действительно спасались от голодной смерти. Иногда мы, пацаны, делились своей добычей не только со своими родными, но, если удавалось, то просто со знакомыми.

Однажды я совершенно случайно набрел на чудо. Идя от материнной столовой по улице Карла Либкнехта, я рассеянно посмотрел на витрину какого-то магазина, и чуть не остолбенел. Вначале я подумал, что мне это просто мерещится, что такого не может быть. У меня перехватило дыхание. За широким толстым стеклом витрины были аккуратно разложены продукты, которые и во сне не могли присниться. И гречка, и манка, и овсянка, колбасы и окорока, жиры в стеклянных бочоночках и еще какая-то аппетитная снедь. У меня буквально слюнки изо рта потекли. Вокруг люди умирали от голода, а здесь какая-то сказочная благодать.

Над входом в магазин видна была небольшая вывеска с непонятным для меня названием «Торгсин». У входа сидел милиционер. Столбняк мой прошел, и я побежал в жалкую столовку, где работала мать, и рассказал ей о только что увиденном чуде. Точно не помню, что она мне рассказывала об этом магазине, но понял, что торгсин — это торговля иностранцев. Захватывавшие дух продукты продавали не за деньги, а за драгоценности: золото, серебро и какие-то изумруды.

Состоятельные люди (оказываются и такие еще были) несли в магазин золотые кольца, серьги, золотые коронки, а взамен получали продукты. В нашей семье и у наших родственников драгоценностей не было. Не таких, как мы, спасал этот чудо-магазин.

В голодные годы произошло еще одно событие, которое долгое время обсуждали в нашей семье и соседи по двору. Все считали, что я, шестилетний мальчишка, совершил чуть ли не подвиг. На самом деле это было какое-то недоразумение, в центре которого я оказался.

В тот день брат был в школе, отец и мать на работе. Мне надоело одному сидеть дома, и я вышел бродить по улице. Помню — нестерпимо хотелось что-либо пожевать. Я закрыл наружную дверь квартиры на висячий замок, а ключ по рассеянности не вынул из замка. Бродил час или полтора, ничего съестного нигде не обнаружил и пошел домой.

На нижней ступеньке крыльца я увидел наш замок с торчащим ключом, дверь в дом была полуоткрыта. Я медленно зашел вначале в комнату родителей, затем заглянул в нашу детскую. У старого платяного шкафа, на котором хранилось десяток пачек махорки, (припасы отца), я увидел высокого изможденного мужчину в очках, шляпе и галстуке. Он испуганно смотрел на меня. Я басом спросил у него: «Что ты здесь делаешь?»

Человек ничего не ответил, лишь затравленно смотрел и медленно пятился к двери. «А ну, выходи, — командным голосом продолжал я и отошел от двери, уступая дорогу «вору». Он весь затрясся, медленно вышел из нашей комнаты в гостиную, а оттуда мы поднялись на крыльцо. Никакого страха я тогда не испытывал, а вел себя так, как мне подсказывало сознание.

Когда мы вышли во двор, я увидел несколько наших соседей. Я громко крикнул, что поймал вора и ткнул палцем в его сторону.

В окружении людей «вор» напоминал жалкого затравленного зверя. Он испуганно озирался, беспомощно вертел головой и что-то бессвязно «мямлил». Что, мол, четыре дня ничего не ел, что воровать он и не думал, и что ноги сами понесли его в нашу квартиру.

Вначале люди кричали ему в лицо обидные слова — зачем полез к таким же голодным людям, а потом как-то притихли все, только не Исаак Ляд. Он из дома вышел в одной майке. На оголенных его руках играли дряблые мускулы. Он притянул к себе «вора» за лацкан пиджака, размахнулся, но к счастью для этого вора, удар скользнул по шее несчастного. Но и этого оказалось достаточно, чтобы у того слетела

шая колонна солдат. Через грудь у каждого из них надеты шинели-скатки, а на ногах обмотки (это такие тряпичные ленты, которые были вместо сапог и обматывались они вокруг ног). На плечах у солдат винтовки старого образца с примкнутыми штыками.

Все солдаты призывного возраста, но не очень молодые. «Это добровольцы», — говорили люди. Они направляются на важный участок фронта. А куда — толком никто не знал. От жары и нелетнего обмундирования солдаты шли в промокших от пота гимнастерках, по их лицам стекали струйки пота. Вроде бы обычная картина военных месяцев. Но необычным было то, что несколько передних шеренг солдат шли со скорострельными одиннадцатизарядными винтовками СВТ, о которых мы только слышали, а видели впервые. И мы, мальчишки, возлагали на такие винтовки особые надежды.

А Павлик, который приехал на линейке с вокзала, рассказывал, что он сам видел, как грузили в товарные вагоны с нарами отряды моряков. Откуда и куда они направлялись — тоже никто не знал...

Он только добавил, что ребята все молодые, крепкие, с решительными лицами. «Такие дадут жару фрицам», — закончил он восторженно.

В здании педагогического института разместили госпиталь. Уже в первые дни своего существования он почти полностью был забит ранеными.

В госпитале работала моя тетя Лина. Она, как врач, была мобилизована в первые дни войны. В петлицах она носила одну шпалу.

Вначале я не понимал, что там может делать зубной врач. А отец разъяснил: «А разве не бывает раненых с развороченными челюстями? И вообще, она, как врач, может быть использована не только по своей узкой специальности».

Глава II

В первый раз, но не в первый класс. Мы — «образцово-показательные». Первая учительница. Похвальные грамоты. Школьные принадлежности. Читаем заповедей. Другие учителя. Наши игры. Ходим друг к другу в гости. Новогодние елки. Мы «стукаемся». Мы — пионеры. «Враги народа».

Первого сентября 1934 года мать за руку отвела меня в школу. В первый раз, но не в первый класс. Тогда вышло какое-то постановление, чтобы в первый класс принимать только с восьми лет. А я был младше первоклассников на целых полгода. Вот меня и еще три десятка детей, «страдающих» тем же «пороком», зачислили в нулевой класс.

Чем отличалась программа обучения первого и нулевого класса? И в первом, и нашем классе учили читать, писать, считать. Но получалось так, что первоклассники заканчивали начальную школу за четыре года, а мы — за пять!

Одноэтажное вытянутое здание нашей седьмой школы (а, может быть, там были только начальные классы) размещалось на пустыре, ниже памятника Ленину, наискосок от основного здания. Через год или два и нас перевели в основное здание по улице Ленина, где во дворе когда-то была церковь. Там у нас размещался спортивный зал.

В большой темноватой комнате стояло десятка два парт, несколько из них — трехместные. Парты — тяжелые, все выкрашены были в черный цвет. На передней стене висела квадратная классная доска, тоже черная, а над ней — большой портрет Сталина.

Нас, «ноликов», мальчиков и девочек набралось тридцать пять человек. Испуганно озираясь, мы сбились в кучу посредине комнаты. А были и такие, которые не решались отпустить руку матери.

Настороженно приглядываемся друг другу. Кое-как нас рассадили по партам. Наша учительница по-хозяйски, уверенно подсаживает нас на сидения парт. Меня усадили за тяжеленную трехместную парту рядом со стройным мальчиком и полноватой девочкой.

Учительница по очереди поднимала каждого жестом, и мы должны назвать свою фамилию, имя и состав семьи. Ребята волновались и сбивчиво рассказывали о себе. Девочка с нашей парты сказала, что зовут ее Катя Холомянская, у них в семье есть мама, папа и младшая сестренка.

А сидящий рядом со мной мальчик тихо произнес, что зовут его Яша, а фамилия Грудиновкер: «мИ с папой и мамой живем по улице Петровской».

Класс дружно рассмеялся, потому что вместо мИ, он сказал мИ и еще потому что он назвал свой адрес, хотя об этом его никто не спрашивал.

Вот это «мИ» мгновенно стало его кличкой на целых пять лет. Она так прилипла к Яше, что чаще к нему обращались не по имени, а, например, так: «МИ, иди сюда» или «МИ, дай то-то». Первое время Яша обижался, плакал, а мы — бездушные и безжалостные, — травили его. Потом он к кличке привык как к своему имени и просто не обращал на это внимания.

Скажу сразу, что с этим Яшей «МИ» с первого дня пребывания в школе и до самой его смерти, а это более семидесяти лет, мы были самыми близкими друзьями. Прошли десятилетия, а я отчетливо помню многие фамилии и имена ребят из нашего класса, хотя с большинством из них мы не виделись более шестидесяти лет. Федя Гуренко, близнецы Павлик и Фира Герасун, Славик Чердиченко, Яша Ярошевский, Дуся Славин, Шурик Маркин, Неля Лурье, Галя Губарева, Тамара Голох, Жора Форес, Лида Логвинова, Мотя Янкевич, Паця Коновалов (почему Паця — до сих пор не знаю), Вагиз Куртаметов.

Большинство из нас еще до школы умело читать, считать до 100 и даже писать. Писали, конечно, не ахти как. Ребята оказались очень любознательными и учились охотно. Нам не терпелось знать «все», и уроки мы учили без принуждения. Насколько сильным был наш класс, можно судить по тому, что на «отл.» до четвертого класса училось 15 человек. Может быть, нас таких подобрали? Но параллельного класса не было.

Школа наша официально считалась «образцовой», а класс — «показательным», и нас беспрерывно показывали. Учительница наша — Вера Дмитриева Земцова, женщина лет двадцати трех — двадцати пяти, — не казалась нам молодой. Она, как вторая мать, была заботливой, внимательной и терпеливой. Нередко посещала нас на дому, особенно, если кто-то из нас болел. Была в меру строга, но иногда и раздражительна. Она прилагала немало усилий, чтобы класс наш был дружным.

В школу часто приезжали и приходили учителя и гости из других школ и даже районов. Сидели на уроках. Их умиляли наши «глубокие» знания и бравые ответы на вопросы Веры Дмитриевны, и наши гости всегда нам ставили «отл.». Но здесь была маленькая хитрость. О приезде гостей в школе узнавали заранее, и Вера Дмитриевна предупреждала не только отличников, но и тех, кто учился на «хор.», что то-то и то-то будет у нас спрашивать (правда, не говорила — у кого что) и просила, чтобы мы ее не подвели, и мы ее не подводили. Нас хвалил даже директор школы, отец Галя Губаревой.

Вера Дмитриевна с честью выпустила нас из четвертого класса. А мы, как шли с «нулевого», так и дошли до пятого с хорошими и отличными оценками. Многие из нас после окончания учебного года получали похвальные грамоты, которые почему-то были на украинском языке. Все мы после окончания каждого класса получали «Карточки об успеваемости, поведению и посещению школы» с оценками «отл.», «хор.», «не» — (посредственно).

А грамоты были такие.

Лист плотной бумаги с красочным гербом Советского Союза посередине. В левом углу в овале портрет Ленина, а в правом — Сталина. Вверху позолоченные слова «ПОХВАЛЬ-НА ГРАМОТА».

Нагороджується цією грамотою учень класу Мелитопольської 7 школи (фамілія, ім'я) за видмінні устухи в навчанні і за зразкову поведінку. 6.06. 1938 року.

Директор школи. Завидувач навчальної частини. Вчитель.

Чтобы завершить разговор о грамотах, следует сказать, что, например, участникам художественной самодеятельности выдавали тоже грамоты, но на русском языке. Посередине портреты Ленина и Сталина. И по-русски: «ГРАМОТА».

Учасник городської дитячої художественної олімпіади (.....) нагороджується грамотою за хороші результати дитячої художественної самодеятельности. Мелітополь «10» мая 1938 года.

ГК ЛКСМУ ГОРОНО Самарская Красиков

Смотрю на пожелтевшие потертые листы плотной бумаги и не устаю удивляться, каким чудом могли сохраниться эти документы прошлой эпохи спустя бурные десятилетия.

Учились мы в то время далеко не в похужей на теперешнюю обстановку. Понятия не имели о второй обуви, но тщательно мыли и вытирали ботинки или туфли перед входом в помещение.

Обычно носили с собой в клееватых портфелях или сумках из материи все необходимые учебники, тетради и завернутые в бумагу завтраки. Зимой пальто оставляли в общей раздевалке.

Каждый ученик в тряпичном мешочке приносил на занятия чернильницу-невывливайку. Тетради у нас были двенадцатистраничные на простой и не очень гладкой бумаге с таблицей умножения на последней странице обложки. Писали деревянными ручками с железными перьями. Особенно в ходу было перо номер 86, острое, тонкое, задирающее бума-

гу «звездочка», и «уточка» — маленькое перышко с тупым наболдашником на конце. Это перо было похоже на уточку, писало мягко, легко шло по бумажному листу, но линии получались жирными и не очень красивыми.

Если говорить о красоте письма, о почерке, то у меня всю жизнь противоречил моему желанию писать если уж и не очень красиво, то, по крайней мере, разборчиво. Но не получалось ни того, ни другого. В каком-то из начальных классов мне в голову пришла «новаторская» мысль по улучшению моей каллиграфии. И я буквы «з», «у», «д» стал писать с какими-то загогулинами в нижней части.

Вера Дмитриевна, проверяя мою тетрадь, эти загогулины постоянно подчеркивала красными чернилами и даже снижала оценки за неаккуратное письмо.

Помню и свои переживания, когда, кажется еще в нулевом классе, мне понадобились палочки для счета. Штук девять-пятнадцать отец вырезал из корявого дерева, и они получились какими-то кривыми. Зачем вообще нам нужны были палочки, да еще столько, если мы уже легко считали до 100, а некоторые и до 1000?

Когда мы перешли в пятый класс, у нас появилось много учителей, но особенно запомнились Галина Дмитриевна и Анастасия Иустиниовна.

Галина Дмитриевна — учительница русского языка и чтения, всегда ходила в каком-то темном одеянии — в черной юбке и наглухо застегнутой кофточке, с пенсне на длинном черном шнурке. Рассказывали, что она еще до революции окончила гимназию с золотой медалью. Она прекрасно знала русский язык, обучала нас не только грамотному письму, но пыталась привить любовь к русскому языку. На уроках она называла десятки суффиксов и приставок, что для нас казалось невероятным. Заставляла нас повторять их хором и поодиночке.

Мне не очень нравился учебник русского языка академика Щербы, напечатанный на какой-то серой бумаге блеклым шрифтом, без единой картинки. Грамматические правила

почему-то не выделялись ни рамочкой, ни более жирным шрифтом. Материал там излагался сухо и неинтересно. И я — наглец — не раз высказывал вслух свое недовольство учебником. Галина Дмитриевна мне как-то сказала: «Вот ты, пятиклассник, критикуешь учебник академика, а он, может быть, и не виноват в том, что в типографии так отпечатали его учебник. И вообще, если ты говоришь, что он написан сухо и неинтересно, то смотри еще как его читать. Я бы с тобой могла поспорить». Но спорить со мной она не стала, и каждый из нас остался при своем мнении.

Я и мои товарищи и раньше любили читать, но примерно с пятого класса Галина Дмитриевна настойчиво и умело поощряла нашу любовь к чтению художественной литературы. Тогда и мы, и ученики других школ читали запоем, особенно приключенческую литературу. Мы поглощали массу книг. Особой популярностью пользовались «Таинственный остров», «Пятнадцатилетний капитан», «20 тысяч лье под водой» Жюль Верна, «Голова профессора доуэля», «Человек-амфибия» Беляева, «Всадник без головы», «Приключения Геккельберри Финна» Майн Рида, «Человек-невидимка» Уэлса, «Гиперболоид инженера Гарина» и «Аэлита» Алексея Толстого, «Три мушкетера» Дюма, «Мальчик из Уржума» Голубевой, «Как закалялась сталь» Островского, «Тимур и его команда» Гайдара. Да разве всех перечислить? Называю только фамилии тех авторов, которых запомнил с детства.

До сих пор удивляюсь, где мы находили время и силы для чтения? Некоторые книги читали даже несколько раз. У нас дома была замечательная книга из «золотой библиотеки» — «Хижина дяди Тома». Читал я ее многократно и каждый раз переживал и страдал. Мне до слез было жалко старого доброго негра.

Книг обычно не хватало для всех любителей чтения. Поэтому в городской библиотеке постоянно была очередь на ту или иную интересную книгу. Читали книги в кратчайшие сроки, обычно 3–4 дня, так как знали, что эту книгу с нетерпением ждут другие ребята.

Однажды брат принес листочки повести «Голова профессора Доуэля», напечатанной в каком-то журнале. И кто-то аккуратно разнял книгу на листочки. Через день мы должны были ее передать. Днем успели прочитать только половину и с нетерпением ожидали, когда наступит ночь и уснут отец и мать. Наконец, в доме все стихло. Мы легли на кровать брата, голова к голове, зажгли 10 линейную керосиновую лампу, которая зажигалась у нас лишь в особых случаях, и, забыв обо всем на свете, поглощали одну страницу за другой. Книга настолько увлекла нас, что спать совершенно не хотелось, и мы забывали о реальном времени.

Очнувшись только тогда, когда в проеме нашей двери появился отец в нижнем белье. Он раздраженно проворчал, что уже три часа ночи, что нам завтра с утра в школу, а ему на работу, что нам давно пора спать и нечего жечь керосин, отпустил каждого по увесистому подзатыльнику, отправил нас в свои кровати и погасил лампу. Но эта «расправа» несколько не охладила нашу страсть к чтению.

Я запоем читал книги не только потому, что к этому нас постоянно подталкивала Галина Дмитриевна и другие учителя, а еще и потому, что этому способствовала наша городская библиотека. Она располагалась в двухэтажном здании на улице Свердлова с правой стороны, если идти с Карла Маркса. Библиотекарями были доброжелательные, терпеливые и начитанные люди. Нам, постоянным читателям, они разрешали самим рыться на книжных полках. Такое доверие дорогого стоило!

Необычным было лишь то, что один из библиотекарей был мужчиной. Больше никогда я с таким явлением не сталкивался.

Лет сорока пяти от роду, с вытянутым худым некрасивым лицом, он буквально преображался, когда говорил с нами о книгах или читал нам вслух наиболее важные и интересные эпизоды.

Усидит, бывало, нас человек десять в свободной комнате, откроет книжку и помолчит. А мы, «избранные», подсаживаемся к нему поближе, и библиотекарь глуховатым голосом,

медленно и проникновенно вычитывает что-то интересное и захватывающее, лицо его преображается, делается приятным. Читал он, может быть, не так уж и мастерски, но я мгновенно представлял все то, о чем он читал.

И уже не терпится прочитать всю книгу, забыть обо всем на свете, усесться на широкий деревянный подоконник нашей квартиры Во-первых, там было светлее, а, во-вторых, во время коротких перерывов в чтении, когда уже уставали глаза, можно было посмотреть на улицу. Там все, как обычно: по тротуару туда-сюда снуют прохожие, редко проезжают брички, запряженные лошадьми или волами.

Поджав колени, с книгой в руках, я вместе с героями книг перемещался то в непроходимые леса Африки или Амазонки, то на головокружительной высоте летал на воздушном шаре, то вместе с мушкетерами дрался против солдат кардинала. Правда, не всегда я возносился высоко и отвлеченно. Не всегда меня увлекала только фантастика. Я был другом и Павки Корчагина, и Сережи Кострикова. И, конечно, Тимура. Эти реальные образы меня увлекали не меньше, чем приключенческие...

До одурения увлекаясь чтением, тем не менее, мы не были «книжными червями».

Нередко у нас в классе происходили шахматные и шашечные баталии. Не помню, как я научился играть в шахматы, скорее всего от брата и его друзей, которые часами сосредотачивались над шахматной доской. Как-то постепенно освоил сложные правила этой старинной и умной игры и уже играл так, что «тянул» на четвертый разряд, наверное, самый низкий.

Потом я научил Яшку, и мы с ним частенько, особенно на каникулах, иногда и по полдня не отрывались от шахмат. Мы так натренировались, что среди пятых-шестых классов нашей школы неизменно занимали призовые места.

А наш Шурик Маркин в шашки обыгрывал любого пятиклассника. Помню, когда он играл в шашки, всегда потирал свои руки и удовлетворенно хмыкал.

Но самой любимой нашей игрой был, конечно, футбол. Играли наверху, за последними домами нашей улицы на широкой дороге, где теперь проходит трасса Харьков — Симферополь. Тогда она была не мощеной и не асфальтированной, а неечивой. Широкая, метров сорок-пятьдесят, она была спокойной и тихой. Машины мимо почти не проезжали, а брички на конной тяге спокойно объезжали наше «футбольное поле».

Редко подбирались команда по одиннадцати человек с каждой стороны. Чаще всего человек по пять-семь. Конечно, никакой спортивной формы у нас не было. На ногах разношерстные старые туфли или ботинки, а частенько и босиком. Штаны задирали до колен и предохраняли колени тряпочными наколенниками. Просто мы подражали взрослым, которые играли на твердом поле, где действительно можно было пораниться.

Вратарские ворота обозначали сумками с книгами или своими потрепанными портфелями. Поле, естественно, не размечали, но на «глазок» прекрасно ориентировались, где своя, а где чужая половина. Мяч у нас чаще всего был тряпичный, сшитый чьей-либо матерью. Но иногда нам удавалось достать и кожаный. Надували его по очереди, думая что было силы. А если изредка кто-то приносил велосипедный насос, то это было счастьем. Один-два человека по очереди накачивали его молча, лишь слышно было, как они сопели, а остальные, затаив дыхание, терпеливо ожидали, когда закончится это священнодействие.

Во время игры громко кричали, переругивались, толкали друг друга, но старались не бить по ногам.

Судья, наиболее опытный и справедливый пацан, не «блеющий» ни за ту, ни за другую команду, частенько неистово свистел в свисток. А если свистка не было, то просто закладывал два пальца в рот и свистом определял спорные и штрафные удары.

С судьей не спорили, хотя каждому казалось, что тот подвуживал противнику. Штрафной с угла площадки назывался не так, как сейчас — угловой, а — корнер.

Наша футбольная команда — друзья-одноклассники: Яшка, Жорка Форес, я, Шурик Марков, Паця Коновалов и еще пара папанов — почти все жили на одной улице. Только Шурик на другом конце города, да Яшка на соседней улице.

Я играл правым крайним и так выкладывался на «поле», что не только чуб, но и вся одежда моя становилась мокрыми, хоть выжимай. Игнали, не замечая времени, дико радовались каждому забитому голу, но не целовались и не обнимались, как сейчас.

Нередко расходились от подзатыльников взрослых, которые приходили за нами. Вначале они увещевали нас голосом, но во время игры мы никого не слышали и не замечали, кроме игроков, тогда им приходилось применять к нам физические меры. После игры горячо спорили, доказывая друг другу свою правоту, но постепенно успокаивались и расходились друзьями.

Учился наш класс, как я уже говорил, в основном хорошо и отлично. Но мы не были «паиньками». На уроках нередко переговаривались, перебрасывались записками. Однажды мы почему-то сидели с Жоркой и от сидящих за нами девочек получили записку «МТЛ». Сами ее расшифровать не могли и прибегли к помощи тех же девочек. Они нам объяснили, что МТЛ — это: «мы тебя любим». А кого из нас МТЛ — так и не сказали. Уже в пятом-шестом классах, пусть еще смутно, но нас начали интересовать вопросы противоположного пола.

Дружным ли был наш класс? Наверное, дружным. Пятилетнюю нашу спайку — учебу в начальных классах, умело цементировала наша классная руководительница с пятого класса — Анастасия Иустиновна Винник. Спокойная, рассудительная, она что только не предпринимала, чтобы наши дружеские связи с годами не только не ослабевали, но даже крепились. И всякие соревнования и конкурсы устраивала, и на различные экскурсии нас водила, и занималась с нами на «пришкольном участке», который размещался в районе парка, даже играла с нами на переменах и постоянно внушала, чтобы мы «высоко несли честь класса».

Индимю не без ее участия мы продолжали ходить друг к другу в гости, особенно на новогоднюю елку. Чуть ли ни полкласса. Чаще всего к Феде Гуренко или к Тамаре Голох.

Тамара — внешне малоприметная, но очень ровная, доброжелательная девочка, жила в районе дома Ардировича. Ее семья состояла из четырех человек: сама Тамара, младшая сестренка, мать и отец.

Душой утренника у елки, богато украшенной сделанными Таминым отцом замысловатыми игрушками, был он сам — еще молодой, энергичный мужчина, который работал инженером на заводе имени Микояна.

Профессия инженера пользовалась особым почетом и уважением. Это по своему понимала и выражала даже баба Настя, наша техничка и гардеробщица. Она, бывало, остановит какого-нибудь малыша, бегущего по коридору на перемене, возьмет его своими костлявыми пальцами за шиворот и, наклонившись к нему, испуганному, скажет: «Ты шо — ты ни шо, ты ни бэ, ни мэ, ни ку-ка-реку. А вот будешь слухняным и хорошо учиться, можешь стать даже ин-же-нером».

Инженер, по нашему разумению, — это человек с высоким техническим образованием, а их тогда явно не хватало. «Интеллигент», — как тогда говорили с особым уважением. Такой человек по своей образованности стоял несоизмеримо выше наших родителей, получивших в свое время в лучшем случае начальное образование.

Запомнилось, как по дороге к Яшке, а мы друг к другу бегали ежедневно, на угловом доме при пересечении улиц Акимовской и Петровского, на высоком крыльце входной двери я всегда читал надпись на привинченной эмалированной табличке, эти четко нанесенные черным буквами: «Инженер Лебедев». И не только я, но и другие люди, проходя мимо, непольно замедляли шаги и с любопытством и уважением смотрели на эту табличку.

Елка у Голохов устанавливалась в большой комнате. Мы бегали вокруг нее, пели и плясали. Отец Тамары организовывал с нами различные игры. То включал, то выключал элек-

трические лампочки, взрывал вместе с нами хлопушки. В конце утренника молодежная мать Тамарыставляла нам нехитрое угощение.

По-другому проходила елка у Федеи Гуренко. Он жил в районе роддома.

Отец Федеи — начальник военторга. Большая, по нашему мнению, должность.

Пока мы умеренно «бесились» вокруг богато украшенной дорогими фабричными игрушками елки, отец Федеи уходил в другую комнату. Через полуоткрытую дверь было видно, как он, сидя в кресле, читает газету и пьет чай с блинчиками.

А мы, чуть ли не полкласса, вместе с Федей и его младшим братом Вовой, сами, как могли, играли и веселились вокруг елки.

Федеина мать — добрая ласковая и гостеприимная женщина средних лет — щедро угощала нас вкусными пирогами, дорогими конфетами в цветных бумажных обертках и компотом собственного изготовления.

Когда мы расходились домой, она совала в наши карманы конфеты и печенье. «Угостите своих братишек и сестреночек», — обычно говорила она.

У нас дома тоже наряжали елку. Но никого не приглашали. И места свободного не было, и игрушки были самодельные, а главное — угощать было нечем. Я из-за этого стеснялся, но понимал неизбежность такого поведения родителей.

Мои товарищи-одноклассники, жили, как правило, на центральных улицах города — Акимовской, Ленина, Карла Маркса, Карла Либкнехта, Чернышевского, Дзержинского, Свердлова. И только несколько ребят жили в районе водочного завода и Песчаной, Слава Чередниченко — на Красной горке, в районе кирпичного завода, а Шурик Маркин — еще дальше, тоже на Красной горке, но в районе кладбища.

Ходить к Славику в гости — одно удовольствие. С высоких гор из песка мы на собственной заднице метров пятнадцать-двадцать съезжали вниз, визжа от восторга, обходили по низу целую улицу, чтобы взобраться наверх и вновь ска-

таться вниз. Такое веселое катание могло продолжаться несколько часов подряд.

Шурик Маркин, как и Славик, жил в собственном доме. Было в нем всего две комнатки. Отец Шурика — суровый угрюмый мужчина, молча кивал головой в ответ на наше приветствие и уходил в другую комнату. Шурик шепотом, прикладывая палец к губам, таинственно шептал нам, своим друзьям, что его отцу приходится и могилы копать.

А мать Шурика — полная противоположность мужу, — ласковая и словоохотливая, еще с кухни весело и радостно приветствовала нас. Мы охотнее сидели дома, так как опасались гулять вокруг могил. Играли на вылет в шашки. Шурик каждый из нас обставлял за пять минут. А его мать, чтобы сгладить с наших лиц горечь поражения от ее сына, выставляла нам большую миску с горячими пирожками с кроличьим мясом и при этом приговаривала: «Ешьте, дорогие гости, ешьте».

Она была очень довольна, что с ее единственным и горячо любимым сыном, который учился не «ахти как», на равных дружат «отличники».

Хоть мы были и дружны между собой, но случалось всякое. Хоть и не часто, но мы дрались друг с другом. Наверное, когда не хватало словесных доказательств, мы выясняли свои отношения с помощью кулаков. Чтобы доказать, кто из нас прав, а кто виноват, говорили: «Идем стукнемся». Это было чем-то вроде дуэли. Иными словами — нам хотелось померяться силами: кто сильнее, а кто слабее. Драка у нас случалась чаще всего без каких-либо веских причин.

Однажды, вот так без причины, меня вызвал «стукнуть» Яшка Ярошевский. Он был немного ниже меня, но коренастый и крепкий.

В садике, напротив школы, в окружении двух десятков зрителей подобных зрелищ, мы бросили свои портфели на землю и, как два петуха, начали наступать друг на друга.

Я его сильно толкнул, и Яшка упал. Все зеваки и «болеющие» хором закричали: «Лежачего не бьют!». Я хорошо знал

эту святую мальчишескую заповедь, отошел в сторону и стал ждать, когда он поднимется. Яшка медленно встал. Мы опять стали тонуть друг возле друга, и он кулаком саданул меня по носу. Густо потекла кровь, и вновь все закричали: «До первой крови!». Таким образом, я оказался побежденным.

Яшка, мой противник, задрал мою голову и так удерживал ее, пока кто-то из ребят не сбегал к первой колонке и не смочил платочек холодной водой. Прошло несколько минут, кровь перестала течь, и мы с моим недавним противником пошли по домам (нам было по дороге), беззлобно обсуждая только что закончившуюся драку.

Настало время, и мы вступили в ряды Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина. Наступил момент, которого мы, октябрята, так долго ждали. В пионеры вступал практически весь наш класс. Никого насильно не заставляли, никого формально не записывали, а такой был порядок. Все ребята стремились стать пионерами. Ведь все с десяти лет носили красные галстуки.

Накануне объявили, что завтра нас будут принимать в пионеры. Пионерскую клятву мы выучили наизусть уже давно.

В школьном спортивном зале два наших класса выстроили в две шеренги. Мы ожидали чего-то необыкновенного, и все волновались. Во главе каждого класса стояла учительница, а перед строем вышагивала с кипой новеньких красных галстуков старшая пионервожатая. Прием не начинали, так как ожидали какого-то важного гостя. Но вот появился сухоный старичок небольшого роста и стал перед строем. Помню, одна щека у него подергивалась, и когда он говорил, то задирал вверх свою седую голову с бородкой клинышком.

А говорил он, что мы, вступая в пионеры, должны на всю жизнь запомнить важность этого момента, что они — старшее поколение, в тяжелой борьбе с царизмом и белогвардейцами всех мастей своей кровью и своими жизнями завоевали нам право на счастливую жизнь, что мы — пионеры — должны быть честными, мужественными. Не бросать слов

на ветер и еще что-то важное. В конце своего затянувшегося выступления он призвал нас быть преданными партии Ленина — Сталина, достойными продолжателями дела Павла Морозова и Павки Корчагина, которые не пожалели ни своего здоровья, ни жизни ради нашего светлого будущего.

Потом недолго выступала старшая пионервожатая. Она напомнила, что главная наша задача — хорошо учиться и быть достойной сменой комсомола и коммунистической партии.

Затем мы хором давали клятву: «Я — юный пионер...» и старшая вожатая вместе с девочками-старшеклассницами повязали каждому из нас яркий красный галстук. Она же прочитала нам стихотворение, в котором были такие слова:

*Как повяжешь галстук —
Береги его:
Он ведь с красным знаменем
Цвета одного.*

И мы научились свято беречь галстук. Если кто-нибудь нечаянно или нарочно — такая была игра — дотрагивался до этого кусочка красной материи, то мы грозно предупреждали: «Не трожь рабоче-крестьянскую кровь — она и так пролита».

А если мы в чем-либо клялись, то говорили: «Честное пионерское». К сожалению, эта клятва со временем стала чистой формальностью. А если клялись взрослые, особенно наши родители, то обычно они говорили: «Ей Богу». А мы — шестилетние безбожники, искренне возмущались. Не раз мы вступали со своими «старыми» родителями в словесные дуэли, пытаясь доказать, что никакого бога не существует в природе, что иконы — это не «лики святых», а мазня, при помощи которой церковь пытается отвлечь трудящихся от строительства социализма. Мы наивно радовались разрушению церкви. Бытовала даже такая шутка: мальчик, конечно это был пионер, доказывал матери, что нет бога. И никак не мог ее убедить в этом. Отчаявшись, он привел ей последний убедительный аргумент: «мама, ну ей-богу нет бога!».

Мы старались выполнять свою клятву — хорошо учились, были, как тогда говорили, активными в общественной жизни.

ни. Еще до появления книги Гайдара «Тимур и его команда» мы оказывали помощь одиноким и престарелым, особенно, если они были героями (в нашем представлении) гражданской войны. И воду таскали, и печь вычищали, и дрова рубили. А потом стали тимуровцами, и наша работа стала более разнообразной и романтической.

Нам очень нравились пионерские ритуалы, поручения, речевки. Было интересно, когда мы ходили строем под звуки горнов и барабанов. Шагали весело, задорно. Чего там говорить — быть пионером интересно и почетно.

Кумиром нашим, немеркнущим идеалом, был Павлик Морозов.

Каждый житель страны, а не только пионеры, хорошо знали о короткой жизни и трагической судьбе этого мальчика — пионера из далекого глухого сибирского села. Он «выдал» советской власти своего отца и деда, местных кулаков. А кто был кулаком, какими они представлялись нам в далекие 30-е годы? О них писали во всех газетах, в том числе и в «Пионерской правде» и «Зирке», которые мы постоянно читали. В журнале «Крокодил», в кинохронике они изображались, заросшими щетиной, с маленькими злыми глазками, со звериным оскалом шербоглатого рта.

Писали о них, как о безжалостных эксплуататорах несчастных сельских батраков, как о врагах трудового народа и советской власти, как о вредителях и убийцах сельских активистов, как об убежденных врагах колхозного строя и социализма. Конечно, они вызывали у нас чувства отвращения и ненависти. Получалась, что, с одной стороны, эти страшилища, безжалостные и свирепые враги нашего светлого будущего, а с другой — бесстрашный юный пионер, свято поверивший в лучезарные идеалы, всем сердцем стремившийся к новой жизни... Это теперь мы такие «умные» и хорошо знаем, что были настоящие кулаки, о которых сказано выше, и так называемые «кулаки», которых то ли по заветности, глупости или же преднамеренно зачислили в ряды врагов советской власти. А все их «кулачество» состояло в

том, что они умудрились быть зажиточными. Они умело и старательно работали на земле, может быть, вели более трезвый образ жизни.

Но о таких не говорили и не писали в те годы. А Павлик Морозов безоглядно верил в новую жизнь, эта вера была сильнее всего на свете, даже сильнее родственных уз. Такие, как Павлик Морозов, стремились жить, как в песне: «Была бы страна родная, и нету других забот». А в те далекие годы и раньше в скольких семьях был разлад: отец выступал против сына, брат против брата. Это называлось «классовой борьбой».

Это теперь мы, смотрим в далекое прошлое из настоящего времени и часто не объективно, а с точки зрения теперешней морали и нравственности, вернее — их отсутствия, и рассуждаем далеко не бесспорно. Предателем ли был Павлик? Кого? Чего?

В те годы мы — пионеры — искренне радовались успехам в промышленности и сельском хозяйстве, приходили в себя после голода и разрухи.

Мы радовались советской Конституции, которую называли сталинской. Конечно, мы не вникали в ее содержание. Хотя это не совсем верно. Ведь в седьмом классе был специальный предмет, где подробно разъяснялось каждое положение, каждый пункт Конституции.

В 1937–1938 годах все чаще и чаще стали слышать: «враги народа». На собраниях кого-то гневно клеймили, газеты загромождали грозными заголовками: «Уничтожим пособников фашизма — врагов народа», «Смерть предателям нашей Родины — врагам народа». Кого-то судили и приговаривали даже к расстрелу. Оказалось, что враги народа были и в наших учебниках. Под руководством своих учителей мы заклеивали портреты и подписи под теперь уже бывшими государственными деятелями. Помню, в начале страницы, теперь не вспомню какого учебника, был портрет выбритого наголо лобастого Косиора. Через некоторое время очередь дошла до

портрета Постышева, о котором еще недавно писали, что он лучший друг советских детей.

Иногда мы спрашивали, что сделали эти люди и почему они враги народа? Наши учителя пугливо оглядывались: не слышит ли вопрос кто-либо из посторонних, и отвечали нам что-то невразумительное. Вскоре их таинственность и тревога передалась и нам, и мы перестали задавать подобные вопросы. Мы поддерживали какие-то обращения, клеймили позором «фашистских наймитов», заклятых врагов народа, мешающих нам строить социализм.

...Голод 1932–1933 годов так потряс нас, что еще долго, говоря о каком-либо важном событии, мы добавляли — это было ДО голода или ПОСЛЕ него. Не только голод, но и другие общественные события мы еще не умели анализировать, не понимали, как говорят сейчас, причинно-следственных связей этих событий. Все это, конечно, мы воспринимали по-детски. Мы жили в сложное время, насыщенное большими и важными историческими свершениями. Но ежедневно мы и наши родители решали очень простые проблемы быта. Не преувеличивая можно сказать, что это была борьба за существование.

Глава III

Хлеб — всему голова. Пекарни Переца и Федорищенко. Очереди за хлебом. Хлеб детства. Хлеб как лакомство. Очереди, как обязательный атрибут нашего бытия. И без воды не прожить.

О хлебе всегда заходит речь, когда его крохи и когда совсем нет. И в те тяжелые годы больше всего было разговоров о хлебе, о нем — основном и самом важном продукте нашего существования в 30-х годах, — не лишне будет рассказать и более подробно.

Сейчас что — пошел в магазин, выбрал любого сорта хлеб и в необходимом количестве, заплатил за него и пошел со своей обыденной покупкой.

А в те далекие времена чаще говорили «не купил», а «дос-тал» хлеб. В лучшем случае выстоял в очереди, а в худшем — его могло не хватить, так как привозили ограниченное количество. А как без хлеба? Недаром говорят: хлеб всему голова, или еще поэтичнее: будет хлеб — будет песня.

Хотя мы еще были маленькими, но понимали значение слова «хлебороб» и думали, что это тот человек, который работает на поле и выращивает хлеб. И правильно думали. Но хлеборобом, по праву, можно было назвать и пекаря, который месит вручную тонны теста и готовит хлеб к выпечке, а лишь потом, придав ему нужную форму, выпекает в печи.

В Мелитополе таких известных мне хлеборобов-пекарей было трое. Один — дядя Черняк. Но он работал в государственной пекарне. А два других пекаря были частниками. Они и пекли и сами продавали свой хлеб.

Например, пекарня Переца — хотя какая это пекарня, если она помещалась в двух жилых комнатках полуподвального помещения. Вход в пекарню был со двора по улице Свердлова, где-то в районе городской библиотеки, но на противоположной стороне. А продавали Перец с женой хлеб через окно на улице Чернышевского.

Пекарь Перец — пожилой мужчина, был худым, каким-то высохшим человеком. Запомнилась на лице щеточка усов под крупным носом. Работала пекарня круглые сутки. Когда к ним ни приходи — всегда был свежий хлеб.

Невероятно вкусный запах хлеба чувствовался уже с начала улицы. Цены на хлеб и булочки у Переца были чуть выше государственных, но с этим мало кто считался, так как отбоя от покупателей у него не было. Иногда даже по улице выстраивались небольшие очереди.

Пекарня Федорищенко была почти рядом с нашим домом. Возле колонки с водой. Федорищенко — большой рыхлый мужчина средних лет. Если Перец был немногословный, какой-то испуганный, то Федорищенко, наоборот, говорливый, с хитринкой в глазах, всегда улыбался и спрашивал у покупателей: «Ну где вы еще найдете такую продукцию?». И славился он своим неповторимо вкусным житним хлебом.

В лучшие времена я любил корочку такого житняка намазать маслом или гусиным жиром. И пирожного не надо!

И действительно, такой вкусной продукции, как у Переца и Федорищенко, нигде в городе было найти невозможно.

Как и когда эти пекарни «прихлопнули», «задушили налогами», как говорил мой отец, я не припомню. Однажды я направился за хлебом к Перцу, а там объявление, что пекарня больше не работает. Но было ли это ДО голода или ПОСЛЕ него — не помню. Частный сектор «канул в Лету».

Некоторое время после голода хлеб выдавали по карточкам. По 300–400 граммов, а потом и чуть больше на одного человека. Этот хлеб выпекали с какими-то дурно пахнущими добавками. Клейкий, вязкий, он застревал в горле, но

наголодавшись, ели и такой. Когда отменили карточки на хлеб, его свободно стали продавать в магазинах. Но нужно было выстоять огромную очередь, и хлеба могло не хватить. Сотый, например, по очереди еще покупал хлеб, а для сто первого уже хлеба не было.

Бедный продавец (но был он не очень «бедным») резал хлеб так, чтобы нарезать точно до грамма. А внимательный покупатель ревниво следил за манипуляциями продавца, который должен был не обидеть ни покупателя, ни себя. Хлебные очереди — это особый разговор. Скажу лишь, что без очереди получить хлеб было почти невозможно. Стыдно, да и как физически можно было пронернуть к прилавку без очереди? Толпа могла и «растерзать» такого нахала.

Почти целый год нашей семье «везло». По какой-то причине друг семьи Черняк был «переброшен» на продажу хлеба. Что-то случилось с его здоровьем. И он продавал хлеб далеко на Песчаном. Его магазин, вернее будка, находился на окраине города, километра полтора от нашего дома. Там был частный сектор, и многие его жители пекли хлеб дома (дешевле было?). Поэтому у хлебной будки народ не толпился.

Я отмеривал свои полтора километра и появлялся у Черняка после обеда, когда народ уже не толпился, а пережидая двух-трех покупателей, мог и хлеб купить, и поговорить с дядей Гавриилом о разных делах. Он в такие минуты был словоохотлив. Спрашивал, как моя учеба, с кем подрался, что подельывают отец и мать.

К моему приходу он припрятывал килограмма полтора хлеба выпечки его завода. Этот хлеб был более качественным. Дядя Гавриил оказался искусным продавцом и при желании бог отрезал сразу весь вес. Но специально так нарезал хлеб, что к общему весу прибавлялось еще три-четыре кусочка, чтобы я в долгой дороге мог насладиться вкусным свежим хлебом.

И мой поход к Черняку, магазин которого находился у «черты на куличках», как у нас называли окраины города, был для

меня не в тягость, а просто приятной прогулкой. «Не все же время ребенку за книгами сидеть, и голову свою освежить надо», — оправдывалась мать, если ей говорили, что она перегружает меня.

Заканчивая свои рассуждения о хлебе насущном, хочу познакомить читателей с прекрасным стихотворением на эту тему, пусть не совсем современным. Надеюсь, что читатель поймет меня, прочитав это стихотворение, которое написал известный в Крыму журналист и талантливый поэт Николай Александрович Готовчиков.

Хлеб военного детства

*Никуда тут не деться,
Если цепкая память
Хлеб военного детства
Осторожно протянет.
Без яичного блеска,
Словно слеплен из глины,
На картофельном тесте
С добавлением мякины.
Темный блин в сковородке
(черной ноткой по ноте)
Назывался коротко.
Некрасиво — тошнотник.
Кулинарное чудо,
От которого тошно,
Создавался из мерзлой,
Прошлогодней картошки.
Как все это знакомо!
Лишь во сне мог присниться
Каравай золоченый
Из душистой пшеницы.
Наша память упряма.
Знаю правду святую.
Понимаю я маму:
Хлеб недаром целую.*

И чтобы завершить разговор на более оптимистической ноте, скажу: пусть и короткое время, но в году 1940-м, хлебная проблема была настолько решена, что его даже развозили по домам. Обычно на трудспайковской линейке, в больших плетеных корзинах. Прямо с улицы кричал продавец, и люди выходили к нему и покупали большие пушистые, еще теплые буханки белого хлеба. Для нас такая большая буханка была излишеством, а на части ее продавцы не резали. Но несколько раз, в какие-то особые дни, мы покупали этот хлеб скорее как лакомство.

В тридцатые годы постоянной приметой нашего быта были очереди. Пожалуй, за всем, что продавали, нужно было постоять и нередко — немало часов: за продуктами питания, за ситцем, за обувью, буквально за всем. Помню, как брат отстоял длинную очередь и купил себе, конечно, с согласия родителей, белые парусиновые туфли. Чтобы они оставались белыми, их постоянно нужно было чистить зубным порошком. Эта покупка была целым событием для нашей семьи.

Чтобы образно представить современному читателю очереди, приведу зарисовку очереди за крупой, хотя такая бытовая сценка могла иметь место и в очереди за чем угодно.

— ...Кто крайний?
— Я крайняя.
— А вы за кем?
— Вон за той женщиной в зеленом платке.
— Это я за той женщиной.
— Но вы же не занимали очередь, а сразу продирались к прилавку.
— Да, я хотела посмотреть, хватит ли крупы.
— Нечего было смотреть. А сейчас становитесь за тем мужчиной.
— Нет, за тем мужчиной уже я.
— Так вы только что подошли.
— Да если хотите знать, я впереди вас за женщиной в ватнике.

- Да вас здесь и близко не было!
- Да что вам повывлазило? Спросите у очереди.
- А вы куда, мужчина? Вы не стояли и нечего клеиться!
- Как не стоял?
- Не стояли и все тут! А еще интеллигент!
- Чего пристала к человеку?
- А чего он прется без очереди?
- А это еще кто гнездится?
- Да эта женщина с дитем.
- А, с дитем, тогда пропускаем.

Подобные и еще более хлесткие перебранки были неотъемлемой составляющей нашего быта.

Одним из важнейших покупок для каждой семьи считалась покупка керосина, для чего нужно было выстоять фантастически длинную очередь.

Обычно привозили керосин утром, но очередь начинала выстраиваться еще с вечера. Члены семьи менялись друг с другом, но свою очередь ни в коем случае нельзя было потерять. Кому приходилось стоять меньше, а кому больше. В нашей семье почему-то дольше приходилось стоять мне, хотя я был младшим. Конечно, меня подменяли мать и брат.

Почему в век электричества так важен был керосин? Во-первых, довольно часто на несколько часов, а то и на сутки, свет отключали, и тогда незаменимыми были керосиновые лампы: — маленькие — 5-6 — линейные, которые потребляли сравнительно немного горючего. Была у нас и 10-и линейная, которая «пожирала прорву» керосина, но ею мы пользовались в особых случаях, поэтому стояла у нас она «про запас».

Но керосин нужен был не только для освещения. А ежедневное приготовление пищи? А горячая вода для различных хозяйственных нужд? В каждой семье незаменимыми и обязательными для этого были примуса, керосинки и керогазы, которые буквально «съедали» керосин.

Отец мой, человек отнюдь не жадный, придирчиво и не всегда справедливо вмешивался в процесс приготовления пищи, при этом думал не о ее качестве (мать моя готовила

отменно и в этом отношении ему не к чему было придираться), сколько из-за, не дай Бог, небережного расхода керосина!

...Занимали очередь обычно с вечера. Каждые два-три часа производилась перекличка. Даже если бы мы стояли все трое — на количество продаваемого на семью керосина это не влияло. Было «положено» 10 литров и ни грамма больше. Люди хорошо знали друг друга и «словчить» было невозможно. Для такого количества керосина у каждого стоящего в очереди человека имелась специальная емкость.

Тот, кто занимал очередь, обычно спрашивал: «Кто крайний?». И ни в коем случае нельзя было спросить: «Кто последний?», ибо последним считался плохой, порочный человек.

За долгие часы стояния люди о чем только не разговаривали! Старшие, семейные, обычно это были женщины, говорили о своих детях и мужьях, о продуктах на базаре и магазине, о том, что ничего нельзя достать, о своих домашних нуждах.

Если в очереди стояли мужчины, то обязательно начинались разговоры о политике, о Гитлере и Муссолини, о Чemberлене, о Красной армии и еще десятках важных событий.

Мы, пацаны, больше говорили о школе. Иногда пересказывали друг другу прочитанные книги, обычно о героях Гражданской войны, при этом часто вспоминали Чапаева, Щорса, Котовского, Пархоменко, Сергея Лазо. В довоенное время горячо обсуждали книгу Гайдара «Тимур и его команда».

Говорили и о МОПРе, членами которого, пожалуй, были все школьники. МОПР — это такая международная организация помощи рабочим. Даже значок был, который мы носили с гордостью. Маленький металлический, он выглядел так: зарешеченная тюремная камера и мозолистый рабочий кулак. И членские взносы платили по 5 копеек в месяц.

Кроме МОПРа, мы были и членами ДД, тоже организации — «Друзья детей», а иногда ее называли по-украински — «Допомага дитям».

Некоторые «очередники» на ночь уходили домой, предвительно позаботясь, чтобы «очередь не пропала». Но они очень рисковали, так как иногда ушедшего на ночь очередь

не признавала. Но с раннего утра в полном составе мы с нетерпением ожидали, когда, наконец, привезут большие бочки злополучного керосина.

И вот часов в восемь утра на небольшую полянку, что рядом с нашей водопроводной колонкой в переулке, выгружали бочки с керосином.

«Керосинщик» — старик Хумыш (такая у него была фамилия), худой истощенный, сгорбленный человек, из большой бочки своей жестяной литровой кружкой с ручкой в посудину емкостью ведер в десять переливал драгоценный керосин.

Под настороженными и взыскательными взглядами сотен глаз, следящими за этой процедурой, наполнял наши емкости — ведра и бидоны. У кого что было.

Старик Хумыш был мастером своего дела. Работая своим литровым черпаком, он и капли керосина не прольет на землю. Наливая жидкость в посудину очередника, полностью опорожнял свою литровую кружку, артистически поднимал ее и показывал дно, тем самым доказывая, что он и грамма не оставил себе. Он требовал от людей заранее готовить деньги и по возможности без сдачи, чтобы не задерживать очередь.

С потных ладоней люди передавали ему деньги, а тот, почти не считая, опускал их в большой карман своего прорезиненного фартука.

Мой отец — скупой на похвалы — говорил, что Хумыш — «честный работяга». Ему он доверял полностью.

Кроме хлеба, первого и важнейшего продукта в нашей жизни, который доставался нам «потом и кровью», таким же незаменимым источником жизни была вода. Обычная, но очень мягкая и самая вкусная, как нам казалось, мелитопольская вода.

Домов с удобствами, в том числе и с водой, в квартире было очень мало. На окраине города — в Песчаном, Красной горке, Юровке у людей были колодцы. А на улицах в

центре города, сколько себя помню, стояли железные колонки. По несколько штук, в зависимости от протяженности улицы.

Для всяких домашних дел воды требовалось много. Еду приготовить два, а то и три раза в день надо? Посуду помыть, в раковину налить, квартиру прибрать. А постирать, а в банный день ее натаскать тоже надо. Вот и приходилось ежедневно, а иногда и по несколько раз в день носиться с ведрами, потому что как в песне: «Без воды — ни туды и ни сюды».

Ближайшая колонка от нашего дома — метров 150–200, примерно в том месте, где Хумыш продавал керосин.

Рядом с колонкой, чуть выше ее, в полустеклянном домике сидела женщина в очках. Она регулировала подачу воды. Как она это делала — не знаю. Но вода была платной. Цены на нее вроде бы смехотворные — 1 копейка за два ведра. Чугунная колонка высотой мне чуть выше пояса. Сбоку — небольшая железная ручка. А выше ручки на корпус колонки приварен металлический набалдашник, как крючок, на который можно навесить ведро. В нескольких сантиметрах от него вверх — прорезь для монет. Примерно за минуту натекало ровно два ведра. Если мало двух ведер — гони еще монетку.

С пустыми ведрами спускаться к колонке было легко, а вот с наполненными — не просто. Если воду носили мой брат или мать — то им ничего: они взрослые. Но без особой радости воду приходилось таскать и мне. Было тяжело, но понимал, что надо. Когда еще учился в начальных классах, носил по полведра. Но тратить на половину ведра копейку — было невыгодно и неразумно. И я кооперировался чаще всего с такими же, как и я, пацанами или стариками. Поэтому иногда у колонки приходилось стоять и полчаса.

Когда подрос — носил уже по полному ведру, а примерно с пятого-шестого класса уже по два, пусть не очень полных. Справиться с коромыслом я не мог, да они были у нас не в моде, поэтому шел не быстро и не медленно, иногда по два-три раза останавливался для отдыха. У нас одни говорили: идти ЗА водой, а другие — ПО воду.

Отец мой по причине своих ран и сильной хромоты в водной эпопее не участвовал, но придирчиво следил, чтобы каждая капля воды расходовалась по назначению...

Следил, чтобы мы с братом, не дай Бог, не плескались водой.

Среди бытовых «мелочей» была и почти забытая и понятная нынешним читателям. С наружной стороны окон нашей квартиры навешены деревянные ставни. Они были довольно тяжелыми.

И каждый вечер, когда начинало темнеть, и во многих домах уже зажигали свет, я с длинным винтовым ключом выходил на улицу, проходил вверх по тротуару метров тридцать и одно за другим заворачивал эти три деревянные ставни. А рано утром, когда еще все спали и отец собирался на работу, в его обязанности входило открыть их. Для чего они были нужны? Зимой с закрытыми ставнями было гораздо теплее, так как из окон меньше дуло. А еще для того, чтобы с улицы не было видно, что делается в нашей квартире. Но главное, наверное, чтобы какой-нибудь пьяница или хулиган ногой или камнем не разбил наши стекла.

Глава IV

Городской базар. Ремесленный люд. Мы не сладкоежки. Костям из «чертовой кожи». «Клуб выходного дня». Болеем и лечимся.

Достопримечательностью нашего города был базар (рынок тогда никто не говорил), расположенный в центре города между улицами Карла Маркса и Карла Либкнехта. На базар ходили часто, так как питаться нужно было каждый день, холодильников еще в помине не было и хранить запасы продуктов было негде. Ходили на базар еще и потому, что выбор продуктов в магазине был более, чем скромный, да и за любыми продуктами нужно было выстоять в очереди, а были они далеко не первой свежести и стоили дороже, чем на базаре.

В хорошие годы по нашей улице на базар проезжали сотни телег, бричек и мажар, наполненных самыми разнообразными продуктами.

Сверху вниз их легко свозили на лошадях, быках и даже изредка на верблюдах. Проезжая мимо нашего дома, где был довольно крутой спуск, дядьки на телегах натягивали вожжи и громко кричали своим животным «тпру-тпру».

Продукты везли с Песчаного, Красной горки и близлежащих деревень, таких как совхоз «Садовое», Данило-Ивановки, а также немецких, чешских и болгарских сел, окружающих Мелитополь. В бричках и телегах были и молоко, и сметана, и творог, и «робленка», и мясо, и рыба, и самые разнообразные овощи и фрукты. На загруженных мажарах на базар обычно доставлялись арбузы и дыни.

Нам, пацанам, не от жадности, а скорее от лихости или наглости, доставляло удовольствие выклянчить у «дядек» то

пару спелых и вкуснейших абрикос, а иногда и целый арбуз, весом в несколько килограммов (меньше просто не было).

В обычные дни мать ходила на базар одна и приносила полупустую кошелку. А воскресный поход начинался с того, что она доставала свою большую старую кошелку, так называлась корзина, сплетенная из каких-то мочал, вместительная и прочная. Отец, который мало вмешивался в обычные базарные дела, в воскресные дни напутствовал мать и говорил: «Вот тебе десятка, целый червонец. Покупай на неделю. Хорошо смотри, что покупаешь и чтобы тебя не обдурили. Лучше в очереди постои, зато возьми что получше и дешевле». В такие дни и я должен был сопровождать мать. Поэтому часть «нотации» доставалась и мне. «А ты помогай матери, нести сумку и корзину и посматривай, чтобы у вас кошельки не сперли».

Начинали мы свои приобретения с покупки мяса. Шли к Грудиновкеру, отцу моего лучшего друга Яшки. Он был вообще наиболее честным среди мясников. Рубщиком мяса Иосиф был искусным. Словом, мастер своего дела. Он никого не обвешивал, работал старательно и хотел выполнить все просьбы покупателя. Естественно, к нам он относился с особым вниманием.

Чего греха таить: для нас выбирал дешевое мясо, но так, чтобы вместе с косточками обязательно была еще и мякоть. Иногда в качестве добавки он подбрасывал нам и говяжью ногу для холодца.

Затем мы покупали килограмм фасоли (мать варила из нее вкуснейшие супы) и другие крупы по килограмму или половине килограмма.

Я любил не только разнообразие продуктов, но и людей.

Любил слушать их разговоры и колоритные выкрики. Мне нравилось наблюдать за тем, как торгуются продавцы и покупатели.

Мать наша не была мастерицей торговаться, за что ее не раз упрекал отец. Но были женщины, — подлинные мастера этого жанра. Они на каждом продукте выторговывали себе по двадцать-тридцать копеек.

Продавцы, предлагая свой товар, всячески расхваливали его. Только и было слышно: «Бычки. Свежие жирные бычки», «Берите молочко. Только что из-под коровки». «Покупайте абрикосы и сливы. Берите такие, какие на вас смотрят».

Продавая арбузы, их хозяева, мужчины и женщины, придавливали их с боков, смотрели, засох ли хвостик, бледны ли полосы вокруг него. По желанию покупателей надрезали, к большому и тяжелому добавляли маленький бесплатно. Арбузы у нас называли кавунами. Настойчиво, прямо в руки покупателям продавцы свали пахучие дыши.

Вокруг на разные голоса кричали продавцы, нахваливая свой товар. Не уступали им и задиристые покупатели, охая и ахая оттого, что все так «дорого». Иногда они несколько раз сбавляли цену на товар, отвоевывая свои копейки, но в конце концов получалось, что и продавцы, и покупатели оставались не в накладе.

Проходя мимо прилавков, где торговали рыбой, мать не могла не купить десяток-другой больших жирных бычков и полкилограмма аппетитной хамсы. Постепенно наша кошелка наполнялась картофелем и всякими овощами. В молочном ряду покупали творог, сметану и «робленку». По мере наполнения кошелки таяла наша десятка.

Фрукты покупали и складывали в сумку в последнюю очередь. Без них «еще можно прожить», как говорил отец. «Останутся деньги — покупай фрукты», — добавлял он при этом. Но на прилавках фрукты были так красивы и от них исходил такой аромат, что я не выдерживал и просил мать купить хоть несколько абрикосов, слив — все равно.

Сумки оказывались такими тяжелыми, что я их едва тащил, беспрерывно меняя руки и часто останавливаясь для отдыха.

В дальнем углу базара подряд без передышки визжал точильный круг — там точили всякий домашний инструмент. Здесь же стекольщик по натянутой нитке молниеносно резал стекло. Различный ремесленный люд трудился беспрерывно, вплоть до обеда, когда на базаре была основная масса народа.

А в обычные дни после обеда по нашим улицам то вверх, то вниз эти же мастера ходили и по улицам и по домам. «Стеклим окна, окна стеклим», — кричал стекольник, неся на плече тяжелый ящик со стеклом.

«Точим ножи, ножницы и другой инструмент», — выкрикивал точильщик с точильным станком на руках. Лудильщик кричал, что он лудит любую посуду, а скупщик старой одежды, высокий неряшливый старик, хрипло выкрикивал: «Купём, купём». И жители несли ему всякое барахло.

И крики этих людей не оставались без внимания: их услуги были совершенно необходимы в быту.

Жил в Мелитополе и такой чудак-человек, замечательный печных дел мастер Иван Иванович Забелин. Он не рекламировал свой «товар», но о его печных успехах по городу ходили легенды. Так сложит или отремонтирует печь, что хозяйки не могли нахвалиться. Работает, бывало, день-два, охаживает свою печь, ласково разговаривает с ней. И во время работы, пока она полностью не окончена, в рот — ни капли! Но вот работа завершилась, печь радостно загудела, и он вовсе не против угощения. За стол садится только вместе с хозяевами. Перед этим хорошо вымоется, вытрет руки насухо и только тогда сядет за стол. В меру выпьет, хорошо закусит, расцелуется с хозяевами, возьмет недорого за свою работу и, пошатываясь, пойдет мимо наших окон (а жил он в конце улицы), умиротворенно улыбаясь и через каждые десять-пятнадцать шагов приговаривая: «Иван Иванович Забелин — хорош человек».

На выходе из базара (и на входе) стояли продавцы с самодельными конфетами. Чаще всего это были петушки на палочке. И стояли они не так уж дорого — одна штучка 5 копеек. Заманчиво было купить пару петушков. Но их покупка была не обязательной. Конечно хотелось, и не всегда мы с матерью сдерживались. Но вместо них можно было купить десяток бычков или килограмм фруктов — продуктов на всю семью. И проходили мимо. Но мне и моим друзьям хотелось бы съесть «настоящих» конфет, да еще в бумажных обертках.

Не прочь мы были полакомиться и пирожными. И все-таки не только из-за очень ограниченных возможностей, а потому что мы презирали «трошечный уют», как писал поэт, и не были ни сластенами, ни сладкожками, что, кажется, одно и то же. Чаще всего такой продукции в магазинах не было. А если и продавались пирожные или конфеты, то их нужно было еще «достать». Разве что свободно можно было купить французскую булку или франзолу, как ее чаще называли. Стоила она всего шесть копеек и была довольно объемиста. Ее хрустящие края и сама она, хорошо пропеченная, вызывала непреодолимые чувства удовлетворения.

Пирожные в магазинах бывали, но стоили они сравнительно дорого, разновидностей их было мало. И нам они были почти не доступны.

А какое же детство обходится без конфет? И мы их любили. Но самыми доступными для нас были незабываемые «подушечки». Незабываемые не из-за их какого-то особо приятного вкуса, а скорее потому, что они были вполне по карману. Подушечка — это квадратик сантиметр на сантиметр с начинкой — то ли джемом, то ли повидлом. Они были необыкновенно липкими. Прилипали не только один к другому, но и к нашим рукам, тетрадям, книгам. Подушечками мы постоянно пачкали одежду, и из-за этого нам доставалось от взрослых.

А конфеты в бумажных обертках перепалили нам гораздо реже. И еще реже мы могли полакомиться шоколадными конфетами. Но они помогали нам закалять волю. Держишь в руках такую конфету час-два, хотя нестерпимо хочется съесть ее немедленно. Даже спорили, кто дольше вытерпит. Были среди нас и рекордсмены: могли терпеть несколько суток.

...С базара мы шли вначале по улице Карла Маркса, затем поднимались по нашей Акимовской. С наполненными корзинами и сумками — путь немалый и нелегкий.

Дома отец и брат придирчиво рассматривали наши покупки. Не зло, а больше «для порядка» отец выговаривал матери: «Что Грудиновкер не мог тебе мяса пожирнее выбрать?», или: «За такие деньги могла бы бычки купить покрупнее». На такие

нотации мать обычно не обращала внимания. А брат пробовал и творог, и фрукты и понемножку разных разностей.

А мы с матерью, уставшие от толчеи на базаре и нелегкого пути с покупками, отдыхали час-полтора. Отдыхал с книгой в руках обычно я, мать уже через пару минут начинала хлопотать по дому.

Если все-таки на базаре можно было купить «все» — были бы деньги, то носильные вещи, одежду в магазинах достать было трудно. Или ничего подходящего не было, или за какой-либо вещью нужно было простоять много часов.

Мой гардероб был прост и однообразен. Чаше всего мне то укорачивали, то перелицовывали ношенные брюки и рубашки брата.

Но однажды мать пришла из промтоварного магазина с сияющим лицом. Она три часа простояла в очереди, но купила для меня материал — «чертову кожу». Несколько метров материи мышиного цвета, еще как бы лоснились и были похожи на естественную кожу. Мать пошила мне лыжный костюм (сейчас бы сказали спортивный). Курточку и шаровары. В первое время я ходил в нем в школу, гордился им.

Многие ребята из моего класса даже завидовали мне.

Но через некоторое время мой костюм уже протерся в нескольких местах и так залоснился, что, как решили в нашей семье, в школу в нем ходить уже было неприлично, и я с удовольствием играл в нем в футбол. Сейчас в таком костюме разве что бомж, и то не всякий, согласился бы ходить. А мы к своей обычной одежде претензий не предъявляли.

Незабываемыми были у нас события во дворе в выходные дни в теплое время года. Кто-то в шутку это называл «Клубом выходного дня». Кроме отца, в нашем дворе жило еще несколько мужчин. В одноэтажном доме, что у ворот — Исаак Ляд, грузчик; наш хозяин Марк Владимирович в своем доме на втором этаже и на пригорке в собственном доме проживал с семьей молоканин Василий. Все они были при-

мерно одного возраста. Мужчины, как и все мы, были дружны между собой. Все дни пятидневки они с утра и до вечера на работе. Поэтому друг с другом почти не виделись и не общались. Зато в выходной свой день стало доброй традицией устраивать для мужчин коллективные обеды. Исаак говорил, что он так натаскается своими стокилограммовыми бидонами для сельтерской воды, что в выходной день ему отдохнуть и расслабиться сам Бог велел. Выпивал он и в обычные дни. «Но это все не то», — оправдывался он.

Отец мой — любитель хорошей компании и возможности выпить, но не в одиночку, тоже признавал, что приятно выпить только в кругу симпатичных ему людей.

Марк Владимирович не работал по состоянию здоровья, все дни скучал и рад был поговорить сам и послушать других. За счет чего он жил? Конечно, мы все платили ему за жилье. Но плата была незначительной, чтобы жить безбедно, как жила его семья. Говорили, что ему хорошо помогают богатые родственники.

Особенно послушать людей любил молоканин Василий, сам большой молчун. Он выпивал только в компании мужчин нашего двора. А в рабочие дни и капли в рот не брал, говорил, что это грех.

Так что наши мужчины не были пьяницами, а скорее выпивохами-любителями.

В одном доме с Лядами жила и семья Нафтулиных. Глава семьи — старик Нафтулин — давно умер, а его старший сын Матвей работал на заводе, был активным комсомольцем и никакие «мещанские» пьянки не признавал.

Обеды устраивались на воздухе, во дворе, где постоянно поддерживались чистота и порядок. По очереди убирали и двор, и домик общественного пользования — уборную, выложенную из камня с черепичной крышей, всегда выбеленную, с деревянной дверью, покрашенной в зеленый цвет.

Отец по собственной инициативе нанизывал на гвоздь, прибитый к дверному косяку, аккуратные квадратики старых газет, так как о туалетной бумаге тогда никто не слышал.

Повторяю, что соседи нашего двора жили дружно. Ни скандалов, ни ругани и в помине не было. Женщины могли посу-дачить, но без зависти и злобы.

Принято было «позычать» друг у друга спички, соль, головку лука или чеснока, столько-то керосина. Иногда одалживали пару рублей «до получки».

Жены наших мужчин никогда не перечили коллективным обедам, а наоборот, всячески содействовали проведению этого «мероприятия».

Обычно из дома Нафтулиных выносили во двор грубо сколоченный, но прочный и вместительный деревянный стол. К нему приставляли табуретки из нашего дома и квартиры Лядов. Во время обеда особых разносолов не было. Неизменно «горяченькое» — наваристый борщ с мясом, несколько мисок дымящейся картошки и пара селедок. А потом еще кто что добавит: соленые огурцы, редиску. Обязательно на стол выставлялось горячительное без кавычек — пара бутылок водки, которую пили из граненых стаканов.

Больше других могли выпить Ляд и мой отец. Но они не принуждали ни Марка Владимировича, ни Василия, каждый пил сколько мог и сколько хотел. И никаких по этому поводу: «Ты меня уважаешь?» и в помине не было. Просто людям хотелось поговорить друг с другом. И это, а не только водку, «организм требовал». Но отец постоянно подшучивал над Василием, повторяя: «Ну, какой ты, Вася, молоканин? Водку можешь хлестать, как сапожник, а скромничаешь. Пей сколько душа принимает, а мы тебя не выдадим».

Когда дымящийся борщ уже был налит в глубокие тарелки и каждый придвинул к себе закуску, какая ему больше нравилась, отец точным коротким ударом ладошки по дну бутылки вышибал из нее деревянную пробку, которая отлетала метра на два. И начиналась трапеза. Первый тост провозглашал Марк Владимирович. Он, как всегда, пил «за все хорошее». Отец каждому наливал по полстакана, чтобы «родимая» пошла легче. При этом он говорил: «Мне много не надо: был бы кусок мяса, соленый огурец и краюха черного хлеба». По-

том и он поднимал стакан: «За здоровье детей и чтоб гроши водились». Мужчины, далеко не английские лорды, громко разговаривали, чавкали, гремели посудой и начинали непри-нужденно говорить.

Перво-наперво — о политике. Я не раз слышал, как они упоминали мало понятные мне фамилии Керзона, Чемберлена, зато фамилии главных фашистов Германии и Италии — Гитлера и Муссолини у нас каждый пацан знал.

Отец неизменно вставлял: «Я этих немцев хорошо знаю. Был в австрийском плену. Ничего страшного». А Марк Владимирович ему отвечал: «Илюша, это уже не те немцы. Те были просто солдаты, а эти — фашисты, палачи и убийцы. Эти погромщики принесут нам немало беды».

Говорили и о Красной армии, которая «всех сильнее». А потом рассказывали о своей работе, о ценах на продукты, проклинали продавцов, которые обвешивают и «воруют копейки у рабочего люда». Потом еще о каких-то вещах, но почему-то вполголоса.

Я любил эти коллективные обеды взрослых. Любил слушать их разговоры и споры. Наши мужчины мне казались самыми умными, опытными людьми. Не все понимал я в их рассуждениях. Они часто говорили «теперь» и «тогда» — до революции. Сравнивали цены на товары и продукты, говорили, что раньше продукты продавали на фунты, а теперь на килограммы.

Кроме «познавательной» пользы от их бесед, у меня была и «материальная» выгода. Частенько мужчинам двух бутылок водки не хватало. Я с нетерпением ждал этого момента, так как знал, что сейчас Марк Владимирович обязательно скажет: «Что-то в горле стало сухо. Не пора ли наших пацанов (а я такой во дворе был один) послать за пивом, да и подсластить его? Пусть купит еще и чебуреков, и халвы, и петушка на палочке». Петушка — это была шутка. Зачем мне нужен был петушок, если я куплю халву?

Я уже стоял наготове с трехлитровым бутылем, который вставляли в просторную сумку. Кроме пива, на «нашем углу»

у старика-татарина, я должен был купить десятка полтора чебуреков, а на другом углу у молодого грека — белую сладкую халву. На такое дополнение мужчины сбрасывались по два-три рубля. Мелочь, которая у меня оставалась, я отдавал мужчинам, но на халву «нажимал» основательно.

Чебуреки и пиво оставались нашим мужчинам, зато халву они отдавали женщинам и, конечно, мне с Надей.

Прежде, чем закончить разговор о «пьянстве» наших мужчин, с улыбкой вспоминаю и такое. Отец мой перед тем, как выпить очередную порцию водки, весь преображался. Лицо его перекашивалось гримасой то ли страха, то ли отвращения. Как будто ему сейчас придется совершить что-то страшное и гадливое. Он весь как-то сжимался. Но вот он не спеша глоток за глотком выпивал все «до дна», крикая, занюхивал хлебом, хрустел надкушенным огурцом, и на лице его расплывалась умиротворенная приятная улыбка. И на языке висела очередная шутка-прибаутка. Ничего подобного на лицах других мужчин я не замечал.

...Женщины убирали посуду, не забыв прихватить подаренную мужчинами халву, тщательно протирали стол и начиналась вторая, «культурная» часть нашего «клуба выходного дня». Мужчины начинали играть в домино. Обычно два на два. Отец в паре с Марком Владимировичем, а Исаак Ляд с Василием. Играли на интерес, т. е. деньги. Но на кон ставили такую мелочь, что выигрывали или проигрывали в конце три-четыре рубля — не больше.

Игроки громко стучали костяшками о стол, незлобно переругивались и «подначивали» друг друга.

Мой отец был признанным мастером игры в домино. Каждому хотелось быть его напарником. Поэтому после каждого кона игроки менялись. Все стремились сыграть в паре с Илюшей.

За несколько часов, проведенных вместе, мужчины, хорошо выпив и закусив, вдоволь наговорившись и наигравшись в домино, кто сам, а кто и с помощью своих жен, расходились по домам.

Сейчас бы такие «коллективные» обеды многим показались примитивом. И убогая закуска, и прошлого века развлечения. Но им, нашим мужчинам, так не казалось. Они искренне радовались такому общению друг с другом и с нетерпением ждали следующего коллективного обеда, который был хорошей разрядкой в их непростой и нелегкой жизни.

Я, как и многие ребята моего возраста, в детстве переболел всеми болезнями. То корью, то ангиной, то скарлатиной.

Помню, однажды у меня поднялась высокая температура, и я не пошел в школу, а лежал на кушетке и тихо постанывал. Мать вызвала врача на дом.

И он пришел, а не приехал, так как машин «Скорой помощи» в городе было всего лишь две. В комнату как-то бочком вошел сухонький старичок с бородкой клинышком. Достал из своего потертого саквояжа зеркальце на резинке, которое одел на лоб, и деревянную трубочку Чайной ложечкой открыл мне рот и велел произнести: «а-а-а».

Потом на голую грудь надавил двумя пальцами, постукал по ним согнутым пальцем другой руки. К деревянной трубочке приложил свое волосатое ухо, с полминуты послушал, как мне дышится и как работает мое сердце, и что-то сказал матери. Помню только такие его слова: «В диагнозе моем не сомневайтесь. Ничего страшного». Потом он выписал какие-то порошки и сладкую микстуру. Лекарства изготавливали обычно в аптеке на Карла Маркса и стоили они копейки. Через два-три дня я выздоровел.

Глава V

*Артели и ремесленники. В морозные снежные зимы.
Дом Ардировича. Река Молочная. Наводнение.*

В тридцатые годы прошлого столетия, как мне представляется, промышленность в Мелитополе была развита еще слабо. Более или менее крупных заводов было всего два. Завод имени Микояна и компрессорный имени Воровского. Зато артелей было — хоть отбавляй! Но памятны мне кожевенно-обувная и транспортная — «Трудспайка» (трудова спайка).

Отец мой — ремесленник, работал там, где удавалось больше заработать, чтобы содержать семью.

Когда он работал в кожевенной артели, занимался первичной обработкой кожи, работой, видимо, тяжелой, то приходил с работы усталым и раздраженным. Мать наша говорила: «За версту слышно, когда отец идет домой». Въедливый запах несвежего мяса, который исходил от шкур животных, раздражал отца больше, чем физическая усталость. Душа в артели не было и негде было помыться после смены. И идти домой приходилось в грязной одежде, в той, в которой он работал. Отец старался идти по задворкам, где было меньше людей. А каково было нашей матери? Она ежедневно стирала и высушивала его рабочую куртку и брюки. Потом еще выпаривала тяжелым паровым утюгом, чтобы хоть как-то вышибить из одежды зловонный запах.

Да и мне приходилось по несколько раз в день таскать воду из колонки, специально для приведения одежды отца в бо- жеский вид.

После этой артели (она распалась, так как ее «задушили» налогами), как говорил отец) он одно время был занят «час-

тным предпринимательством» Где-то за городским базаром, в глубине двора, он снял большую сырую комнату с огромной плитой. Там в большом котле, ведер на восемь-десять, отец варил фиолетовые чернила, спрос на которые в то время был большой...

До этого я никогда не задумывался, откуда берутся чернила. Оказывается их «варят». Не представляю, откуда отец знал способ их приготовления, но, видимо, знал, так как изялся за выполнение большого заказа от нескольких предприятий города.

Ведь чернила нужны были не только школьникам и студентам, но и различным конторам, канцеляриям. Он даже нанял себе помощника — большого молодого парня. Тот таскал воду, высоко поднимал ведра и выливал воду в котел. Отец высыпал туда из большого кулька какой-то порошок фиолетового цвета и размешивал кипящую жидкость. Он набирал чернила в большую деревянную ложку, подносил ее к самым глазам, присматривался и принохивался. Потом делал что-то странное: в кипящее варево отец высыпал полмешка сахара-рафинада. Я внимательно следил за его действиями, но так и не понял, для чего чернилам нужен сахар. Оказывается, сахар нужен, чтобы чернила не расплывались и блестели. «Для крепости», — объяснил мне отец.

Свои чернила отец вместе с помощником разносил по разным организациям — заказчикам. Конечно, полбутылки досталось и мне с братом. Эти чернила пользовались большим успехом. Меньше полчекушки их я принес в школу. В классе ребята наперебой подходили ко мне и просили налить «хоть немного» в их чернильницы-невыливайки.

Особой известностью в городе пользовалась артель «Трудспайка». В этой транспортной артели были и подводы разных видов, и линейки, и, конечно, лошади всех мастей. Кони были упитанными и хорошо ухоженными. Они вполне конкурировали с редкими машинами — полуторками и даже с пятитонками с низкими бортами. А вообще поршневого транспорта в городе было еще мало.

«Трудспайка» перевозила в основном различные грузы. Сильные лошади могли перевезти одновременно до пяти тонн. Легковые линейки предназначались для перевозки пассажиров из города на железнодорожную станцию и от туда в город, так как три километра от центра до вокзала да еще с вещами пешком пройти было не просто. Да и нелегко добираться со станции в город, поэтому предпочитали ездить на линейке. На них ездили и различные руководящие работники.

Председателем артели был отец моего одноклассника и друга Павлика — Герасун-старший, отец пятерых детей. Он был крупным, очень красивым мужчиной с целой копной густых волос на голове с прорастающей сединой. Прекрасный организатор и неутомимый труженик, отец Павлика обладал цепким умом. Артель при нем процветала, и его уважали в городе.

В их большом дворе, а жили они недалеко от Бердянского моста, была артельная кузница, где на привязи всегда было много лошадей. Вполне можно было сказать, что Герасуны работали целые сутки, так как рейсы бывали не только дневными, но и ночными. При Герасуне артель настолько процветала, что ее еще долго не могли задуть никакие налоги.

Даже мой отец, большой пессимист, говоря о Герасуне, своем сверстнике, поднимал палец вверх и с уважением произносил: «Герасун — это голова!».

А Павлик, мой хороший друг, отличался редкостной добротой и искренним желанием помочь людям. Много времени проводил он с лошадьми, которые при виде его, радостно пряли ушами и ржали. «Хобби» у Павлика было встречать и провожать людей на станцию. Он бежал к заветному вагону, совершенно бескорыстно помогая вытащить из вагона и погрузить вещи на линейку, или наоборот — втащить их в вагон.

И что интересно: его доброта и внимание к людям распространялись не только на родных и хорошо знакомых. Он с неподдельной готовностью помогал и мало знакомым людям.

И возчики хорошо знали Павлика, говорили о нем: «Душа человек».

Артель «Трудспайка» просуществовала до самой войны, и в этом безусловная заслуга ее председателя Герасуна, человека умного, деятельного, большого труженика.

В морозные снежные зимы наш город преображался. Не высокие строения, засыпанные снегом, как бы приседали под его тяжестью. Идешь по дороге, и снег приятно поскрипывает под ногами, искрится на солнце. В такие зимние дни старались пораньше сделать уроки и засветло управиться с домашними делами. Почти у всех нас было печное отопление, а значит — возня с печкой и топливом, углем и дровами.

Наш отец — добытчик. Задолго до наступления холодов он завозил в сарай уголь и трехметровые круглые бревна. Вначале пилили их на козлах поперечной пилой, а затем топором и колуном рубили на поленья. Отцу помогал и старший брат, и Зиновий — шестнадцатилетний сын нашего хозяина — или Матвей Нафтулин. Заносить топливо из сарая в дом — обязанность брата, а моя — вынести перегар из печки, наколоть щепу для растопки дров. Но все это — побочное занятие.

Для нас, ребят, две-три недели мороза и обильного снега — непередаваемая радость. В школе и дома мы неутомимо бросаемся снежками, лепим снежные бабы, катаемся на коньках по утоптаным ледяным дорожкам. Лыжи почему-то у нас были не в моде.

Мелитополь в такие дни похож на город центральной России...

Но главная наша утеха — катание на санках. Улицы центра города — наша Акимовская, Ленина, Свердлова, Фрунзе — все они тянутся от Карла Маркса снизу вверх. Наибольшая крутизна Акимовской улицы выше нашего дома, почти от самой нынешней трассы Харьков — Симферополь, а скатываемся мы почти до площади, где находится завод Микояна.

Все свободное время целыми днями, а еще больше — вечерами мы катались на санках. Дорога так раскатана, что ходить и то с опаской можно только по тротуару. На санках любили кататься не только мы, школьники младших классов, но и старшеклассники и даже молодые парни и девушки и среди них немало «женатиков».

Молодежь не только нашей улицы, но и соседних, а это сотни человек, обычно взбирались на самую гору, на стартовую площадку, прочно усаживались на санки, разогнались, а там — держись! По всей трассе радостные крики, громкий смех, дружеские улыбки.

Какой-то старый отцовский товарищ изготовил в подарок для нас отличные трехместные дубовые санки. Тяжелые, прочные, вместительные, на широких полозьях. Вниз они летели с огромной скоростью. Нам все завидовали и не раз просили прокатиться именно на наших санках. Но они имели и один существенный недостаток. Попробуй эти санки затаскать на гору. Чуть ли ни полкилометра. Не один пот сойдет!

Вот мы трое — Яшка, Паця Коновалов и я — плотно прижавшись друг к другу, в шапках, сбитых на затылок, без варежек, хотя мороз 10 или 15 градусов, несемся вниз. Кто-то слева нас обгоняет, предварительно опрокинув санки, летящие рядом. Уже внизу они выясняют отношения, кто кого первый толкнул, кто раньше выскочил из наезженной колеи, кто не уступил дорогу.

Они громко кричат, размахивают руками, ссорятся, но до драки дело не доходит.

На площади, на ровном месте, наши санки останавливаются. Мы толкаем друг друга, валим в снег, лепим снежки и перебрасываемся ими. Потом начинается самое неприятное. Но «любишь кататься — люби и саночки возить». Но эту проблему мы решаем просто и «мирным путем». Каждому из нас всего один раз из трех приходится с тяжелыми саними карабкаться вверх. Один по очереди тащит санки, а двое в это время развлекаются.

Валимся в снег. Вокруг происходит то же самое: толчея, смех, беззлобная ругань. Только успевай увертываться от тех, кто с гиком на бешеной скорости мчится вниз.

В этом захватывающем празднестве одинаково азартно резвятся школьники и молодежь. И так два-три часа кряду, пока не наступает полная темнота (фонарей на улице не было), и кто-то из старших, наиболее разумный, не скажет: «Довольно!». Чаще всего — это наши родители, разыскивающие нас. И один за другим, в темноте, уже ощупью саночки расходятся по домам. За Яшкой приходил его отец. Они жили недалеко, по улице Петровского. А Паця Коновалов жил по улице Ленина, почти рядом с нами.

Брат мой тоже был неизменным участником саночных потех. Но он катается, конечно, со старшими ребятами и девочками.

В эти зимние вечера всех нас объединяет чувство какой-то коллективной дружбы. Настроение бодрое. Все веселы и счастливы.

Достопримечательностью нашего города был дом Ардировича. Построенный еще до революции 1917 года каким-то богачом, трехэтажный, очень красивый, видимый чуть ли не со всех улиц города, он у всех горожан вызывал чувство гордости за свой город. Это здание было своего рода точкой отсчета. Если нужно было назвать какое-то место вблизи его, то говорили: «Возле дома Ардировича» или «правей (левой) дома Ардировича».

В советское время там размещались курсы председателей колхозов, затем какое-то общежитие, столовая и еще что-то.

Не знаю, сохранилось ли это здание и чем сейчас оно примечательно?

В нашем городе не только бывали снежные зимы, но и случались наводнения. При моей памяти — одно значительное. Отец не раз говорил: «Нам что, мы верхние. А вот жите-

лей нижних улиц река Молочная может и залить. Такое уже случалось и не раз».

Наша река Молочная, вишь и вглубь неприметная, в иные весенние месяцы, видимо, от обильных дождей и таяния снега так разливалась и выходила из берегов, что затопливали целые улицы, особенно в районе дома Ардировича. Эти улицы становились непроезжими, и по бывшей дороге плавали весельные лодки.

А в обычное время река Молочная была спокойной, вполне доступной для купания и плавания.

Где-то в районе дома Ардировича, в устье реки, жила странная женщина. Звали ее Устя. Была ли она молодой или старой — не знаю. Скорее старой, потому что ею пугали детей. Говорили: «Не будешь слушаться — отдам тебя Усте». Что она делала на реке, где именно жила — тоже не знаю, но когда вода в реку прибывала, говорили: «Устю затопило».

Не раз я ходил в гости к Павлику Герасуну. Он жил далеко от дома Ардировича, но вблизи Бердянского моста. Был там так называемый «Беленький домик». Это наиболее глубокое место, и мы не раз здесь купались и загорали.

Однажды в конце марта, когда стояла еще довольно холодная погода, и мы ходили в рубашках и тужурках, вдруг мною овладело мальчишеское бахвальство, и я поспорил с Павликом, что хоть сейчас могу искупаться в реке. Павел мне не поверил, но все-таки сбегал домой и принес старое махровое полотенце. Я разделся наголо и бултыхнулся в воду. В реке находился не больше двух-трех минут. Выскочил из реки, как ошпаренный, пританцовывая на берегу босыми ногами и ежась от холода, растирал свое тело полотенцем. Мне активно помогал проигравший спор Павлик. Затем я оделся, и мы чуть ли не бегом помчались к нему домой. Там я еще добрый час отогревался, пока не проходила дрожь тела, и я мог спокойно пойти домой. Я, конечно, заболел, «схватил» ангину, но ни слова не сказал о том, что купался в Молочной. А то бы мне досталось!

Но в классе Павка всем рассказал о моем «подвиге», и некоторое время я ходил героем...

В ту весну обильно таял снег, и шли сильные дожди. Прорвало дамбы, и однажды ночью вода вышла из берегов Молочной и хлынула на улицы города.

Сразу затопила дома, расположенные близ Бердянского моста, затем прорвалась в район дома Ардировича и городского сада. Через некоторое время река уже затопила часть улицы Карла Маркса и Карла Либкнехта и практически подошла к памятнику Ленина.

В районе 7-й и 1-й школ люди уже плавали на лодках. Естественно, на какое-то время были отменены занятия в школах. Я с ребятами бегал к памятнику Ленина посмотреть на это чудо. Мы по-детски радовались наводнению, были наивны и глупы и не сразу узнали, что это наводнение не было таким уж безобидным. Вода в районе Бердянского моста да и дома Ардировича затопила многие дома. Люди в панике поспешно выносили свои вещи, поднимали на чердаки кур и свиней. Жители сидели на крышах, махали руками. Оттуда раздавались крики о помощи. И на чердаках и на крышах немало жителей просидело до тех пор, пока вода окончательно не схлынула.

А из учреждений вытаскивали какие-то бумаги и мебель. И если в районе наших школ вода не причинила особого вреда, то на более низких улицах она разрушила несколько домов, и даже были человеческие жертвы.

А в районе Белого домика, где глубина Молочной и в спокойное время была большой, во время наводнения образовался такой водоворот, что для спасения людей пришлось даже вызывать танкетку (легкий небольшой танк). И случилось так, что экипаж этой машины, которая спасала людей, сам стал жертвой наводнения. Говорили, что в районе дома Ардировича или же Бердянского моста танкетку так закрутило водоворотом, что она не смогла выбраться из водяного плена. А тут еще мотор заглох и люк заклинило, и танкетка

утонула. И трое членов ее экипажа погибли. А еще кто-то доказывал, что танкетка погибла так: будто бы под Бердянским мостом ее ударило льдиной и она не смогла выплыть. Главное — экипаж погиб.

Вначале герои были погребены в парке Кагановича, и на их могиле была установлена мраморная плита, на которой были высечены имена героев. Позже их перезахоронили на площади перед парком, где когда-то стоял дирижабль.

...А наводнение между тем закончилось. Вода стала спадать. Сперва она ушла из улиц, освободив подтопленные дома. Затем возобновились занятия в школах.

Но, сидя в классах, мы еще долго ощущали сырость и затхлость помещений. Видимо, нужно было выполнять учебную программу, поэтому и занимались в сырых классах. Приближалось окончание учебного года, и «на носу» были экзамены.

Глава VI

Краснокосыночницы. «Шел отряд по берегу». День 1 Мая. Физкультурники. Кинофильмы. «Как закалялась сталь». Камсомальцы 30-х годов. Испанские события.

Однажды утром к нашему дому подъехала линейка, и какой-то нестарый дядька помог матери вынести из дому нашу швейную машинку и установить ее на линейке. Мать приготовилась ехать с дядькой, а меня оставить дома. Но я упрямился и взял с собой. Кроме желания покататься, мною овладевало любопытство: куда везут нашу машинку.

Подъехали к красивому двухэтажному зданию где-то в центре Карла Маркса. Впереди дядька понес нашу машинку на второй этаж, а мы с матерью по широким мраморным ступенькам за ним.

В большой комнате с высокими потолками на длинных столах уже стояло несколько швейных машинок. Здесь же на табуретах и скамьях сидели десятка два молодых женщины. Все они были в красных косынках. И мать повязала на голову такую же косынку.

Я и дома не раз слышал слова «актив», «краснокосыночницы», но не понимал их значения. Как-то даже у отца спросил, а что такое актив? Он помолчал, почесал затылок и произнес: «Актив — это тогда, когда женщины суют свой нос куда надо и куда вовсе не обязательно».

Вскоре я узнал, что и мать моя «в активе», что она член женсовета какого-то учреждения. (Не всегда, оказывается, она была просто домохозяйкой). Отец ворчал, что лучше бы она дома сидела, а не «шлялась по разным коммисиям и комитетам». А она и еще несколько женщин-активисток кого-то об-

следовали на дому, кому-то «выбивали» путевку в дом отдыха или санаторий, доставали одежду многодетным семьям, устраивали детей в летние пионерские лагеря.

Периодически эти женщины где-то засидали, что-то решали.

Сейчас был канун 1 Мая, и в большой комнате женщины собрались, чтобы что-то сшить, подрубить, прострочить. На столах лежали рулоны красного ситца. Женщины что-то резали, потом сшивали красные полотнища, готовили какие-то транспаранты и флаги, которые вскоре будут нести во время демонстрации.

Когда стрекотали машинки, женщины сосредоточенно молчали. Только в воздухе мелькали их пальцы с иголками и наперстками. Потом кто-то предложил спеть какую-нибудь «нашу, пролетарскую». Все шумно обрадовались. Я вначале сидел молча, не вслушиваясь в их разговоры, но сейчас был весь внимание. Я любил и русские, и украинские песни, особенно, когда они исполнялись молодыми сильными голосами.

Вначале женщины запели «Смело, товарищи, в ногу», а потом песню, слова которой мне запомнились на всю жизнь. Это была песня о Щорсе, красном командире, который во время гражданской войны сражался с белогвардейцами и петлюровцами. Женщины не выстраивались для исполнения песни, не собирались посередине комнаты, а оставались на своих рабочих местах.

Без музыки, а сердцем и голосом они запели:

*Шел отряд по берегу,
Шел издалека.
Щел под красным знаменем
Командир полка.
Хлопцы, чьи вы будете,
Кто вас в бой ведет?
Щорс под красным знаменем
Раненый идет.*

*Голова обязана,
Кровь на рукаве.
След кровавый стелется
По сырой траве.*

Может быть, я не совсем точно запомнил слова этой песни. Но ясно представлял себе, как Щорс с кровавой повязкой на голове, идет по дороге, опираясь на плечо одного из своих бойцов, с гордо поднятой головой. Он только что после боя, в котором, конечно, победили «наши» — красные.

День 1 Мая. На дворе тепло, солнечно. Дует легкий приятный ветерок. Еще рань-ранняя, а я уже проснулся. Да и можно ли долго спать в такой давно ожидаемый день?

Из всех праздников я и мои друзья особенно выделяли 7 ноября — годовщину Великой Октябрьской Социалистической революции — и 1 Мая — День солидарности трудящихся всего мира.

Еще за несколько дней до этого весеннего праздника мы с отцом договаривались, что он возьмет меня с собой на демонстрацию, и он всегда держал свое слово...

Где-то в глубине двора на улице Карла Маркса, вблизи аптеки, на ступеньках уже с раннего утра собирались демонстранты. Одно время отец мой работал в Днепропромторге завхозом. Он был ответственным за хранение и выдачу знамен и транспарантов.

...Люди были празднично одеты, возбуждены. Пока только подходят демонстранты, колонны еще не строятся. Люди перебрасываются друг с другом шутками, приветливо здороваются вслух или кивком головы. Ведь в рабочие дни они не видятся друг с другом.

Отец из-за сильной хромоты с колонной не ходит, а сейчас, готовясь к демонстрации, он — главный. Кому-то он вручает фанерные щиты с лозунгами, а кому распределяет нести портреты вождей.

Наконец, приготовления закончены, и люди строятся в колонны. Потом все выходят со двора на Карла Маркса и готовятся к праздничному шествию.

Во главе колонны стоят руководители и передовые рабочие.

Появляется духовой оркестр, хотя у кого-то из демонстрантов в руках гармошка. Впереди нас и за нами выстраиваются колонны рабочих и служащих других заводов и артелей, и разных организаций. Потом под духовой оркестр колонны проходят мимо красивого здания горкома партии. Рядом с ним, прямо на тротуаре, установлены деревянные трибуны, покрытые кумачом. Какие-то важные люди кричат демонстрантам приветственные лозунги, а демонстранты недружно кричат «Ура!». По дороге проносят море флагов и красивых транспарантов. Теперь уже, пытаясь перекрыть громкую музыку, люди в колоннах очень громко, почти крича общаются друг с другом.

Впереди всех идут физкультурники. Они в одинакового цвета трусах и майках. Многие уже неплохо загорели. И когда только и где успели?

За полуобнаженными физкультурниками идут шеренги значкистов ГТО и «Ворошиловский стрелок». О значкистах следует сказать особо.

Готовясь к войне, заботясь о здоровой и закаленной молодежи, большое внимание уделялось в стране развитию физкультуры и спорта. Мы знали не только о выдающихся успехах героев-летчиков: Чкалова, Громова, Водопьянова, но и о знаменитых спортсменах. На весь мир прославились бегуны — братья Знаменские, чемпион по тяжелой атлетике Григорий Новак, чемпион Советского Союза по шахматам Михаил Ботвинник. А «значкисты» чувствовали себя в определенной мере причастными к этим спортивным достижениям. Чтобы, например, получить значок ГТО, нужно было сдать непростые нормативы по легкой атлетике, плаванию, метанию гранаты и пр. Для нас, младших школьников, нормы БГТО (будь готов к труду и обороне) были попроще.

Заветное желание каждого юноши и девушки — сдать нормы на значок «Ворошиловский стрелок». А метко стрелять было далеко не просто.

В городе работало несколько тиров. И в выходные дни здесь всегда толпилась молодежь.

Значок привинчивали к левой стороне рубашки или пиджака. На цепочке с мелкими звеньями висел зубчатый металлический кружок, покрытый эмалью с черной мишенью в центре кружка.

Мимо трибун проходят новые колонны и тоже отвечают на приветствия руководителей города и старых большевиков, стоящих на трибуне. Когда умолкает оркестр, люди под баян или гармошку поют радостные и бодрые песни композиторов братьев Покрасс и Дунаевского.

Уже можно выйти из строя и купить себе стакан сельтерской воды с сиропом, например, крем-соду или леденец на палочке, а то и пирожное. Для этого деньги в копилке собирались заранее.

На праздничной демонстрации я встречаю своих друзей — Федю, Славику, Павлика, которые, как и я, пришли сюда вместе с родителями. Заканчивается празднество часа через два-три, и люди расходятся по домам, где встречаются с друзьями и родственниками за праздничным столом.

В нынешнее время передко можно услышать от «знатоков», что на подобные демонстрации люди идти не хотели, что их чуть ли не силком сгоняли их руководители. Вполне возможно, что кто-то не хотел идти в колонне и участвовать в демонстрации. Кому-то было просто лень. Или мешали действительно неотложные домашние дела. А кое-кто не хотел идти на демонстрацию и по «идейным» соображениям. Но таких было явное меньшинство.

Своими глазами я видел и до сих пор отлично помню, какая на этих демонстрациях царила непринужденная, праздничная обстановка, неподдельное желание пообщаться друг с другом и своим присутствием приобщиться к величественной дате. И никто никаких денег, как, к сожалению теперь,

не платил демонстрантам за их присутствие или махание разноцветными флагами.

...И грустно становится глядя на нынешние разнофлаговые шествия...

Одним из самых радостных и светлых воспоминаний детских лет были кинофильмы, которые мы смотрели не просто с огромным вниманием, но и каким-то неистовым наслаждением.

В тридцатые годы настоящих звуковых фильмов было еще мало.

Но такие как «Путевка в жизнь», «Тринадцать», «Джюльбарс», «Чапаев», «Если завтра война» врезались в память на всю жизнь, оставили неизгладимый след в наших детских и юношеских душах.

«Путевка в жизнь» — это фильм о короткой жизни то ли бывшего детдомовца, то ли криминального элемента Мустафы, ставшего на путь исправления и участвующего в строительстве новой жизни. Жиган — криминальный авторитет, как сказали бы теперь, не может простить Мустафе стремления к новой жизни и убивает его. В «народе» даже песенка такая была:

*Мустафа дорогу строил,
Мустафа по ней ходил,
Мустафа Жигана предал,
А Жиган его убил.*

А «Джюльбарс» — это волнующая повесть о четвероном друге пограничников. Эта собака вместе с ее «хозяином» совершала чудеса храбрости и героизма при задержании шпионов и диверсантов на восточной границе.

Пограничные войска были самым заветным желанием для ребят. Кто из нашего поколения не знал о подвигах отважного пограничника Карацупы, который вместе со своей собакой Индусом, служа на Дальнем Востоке, задержал более сотни шпионов и диверсантов? Поэтому успех фильма «Джюльбарс» был несомненным.

Фильмы зачастую воспевали героiku гражданской войны, которая была не когда-то там, а совсем недавно. В прошедшей войне мы признавали только два цвета — белый и красный. «Белые» — это враги, а «красные» — это наши. Или же басмачи — это не просто враги, но и бандиты, а пограничники, несомненно, — герои. Эти фильмы были о храбрости и мужестве советских людей, о их стойкости и преданности делу социализма, готовыми ради идеи пожертвовать всеми земными благами.

Но ни с чем не сравнимый, оглушительный успех у зрителей всех поколений, особенно школьников, имел кинофильм «Чапаев». Если любые кинофильмы смотрели мы по несколько раз, то «Чапаев» я лично смотрел раз 10, а Славик Чередниченко — 15, а Яшка Ярошевский — 20 раз!

Главный герой фильма — Василий Иванович Чапаев, герой гражданской войны, талантливый самородок, командир кавалерийской дивизии покорял зрителей своей отвагой, мужеством и героизмом, природным умом, твердостью своих суждений, необыкновенной простотой и человечностью.

Разбуди нас, молодежь глубокой ночью, и тогда бы мы подробно могли рассказать любой эпизод этого захватывающего фильма. Обмениваясь друг с другом мнениями, мы взахлеб говорили не только о Чапаеве, но и о Петьке, пулеметчике Анке, комиссаре Клочкове, их боевых друзьях и товарищах. Мы могли подробно рассказать о лихих атаках конницы Чапаева, о быстрых, как ветер, пулеметных тачанках. До мельчайших подробностей мы знали сцену, когда Чапаев доказывает комиссару при помощи картофеля, курительной трубки и стакана, где должен быть командир во время боя. Мы страшно переживали, когда уснули часовые-чапаевцы и их, сонных, порезали белые разведчики. Случалось даже, как какой-нибудь пацан кричал из зала чапаевцам, чтобы они проснулись. Мы неподдельно страдали, когда Чапаев с бойцами отстреливались и отступали к реке Урал, где и утонул Чапаев. «Он был раненый, не мог плыть, а потому и утонул, — доказывали одни, — «Но ведь в фильме не доказано,

что он утонул, он мог выплыть», — с пылом, со слезами на глазах возражали другие.

Ожесточенный спор между молодыми зрителями иногда перерастал в драку. «А ты видел, что он погиб?», — наседали одни. — Скорее всего он выплыл и партизанил где-нибудь в тайге».

Третьи ничего не доказывали, не приводили никаких аргументов и просто со страстной надеждой и непоколебимой уверенностью говорили, что он не мог погибнуть. Это же Чапаев!

Наверное, по этому фильму были какие-то диспуты, конференции, высказывались разные мнения, но, как я сужу теперь, воспитательный эффект фильма был огромным.

Известность фильму добавляло еще и то, что самые дорогие папиросы, наряду с «Казбеком» в картонных коробках, назывались «Чапаев». Он изображен на пулеметной тачанке вместе с Петькой и Анкой.

Куриль такие дорогие папиросы среди молодежи было особым шиком.

Горячо обсуждали кинофильм «Если завтра война». Никто не сомневался, что воевать нам придется довольно скоро, что в грядущей войне победа будет за нами.

Вот на экране мчится конница, затем танки, танкетки, бронемашины. Здесь же наша мощная артиллерия, выносившая пехоту.

И весь фильм сопровождает бравурная музыка с веселым напевом: «Если завтра война, если завтра в поход — будь сегодня к походу готов!». А вот как оказалось всего на пару лет позже — к походу мы оказались не готовыми. Но об этом немного позже.

Кинофильмов тогда было мало, и показывали один и тот же фильм по месяцу и больше. В городе было всего два кинотеатра: имени Свердлова и «Красный факел».

Начало фильмов в кинотеатрах было в разное время, с разницей примерно полчаса-час. Вот в кинотеатре Свердлова

«прокрутили» 2–3 части и на дежурной линейке срочно везут их в «Красный факел». А потом просмотренные части в «Красном факеле» везут в кинотеатр Свердлова, где их будут показывать на следующий сеанс.

И завтраки, если нам давали деньги, и редкая покупка сладостей, вернее, отказ от этой покупки, и сэкономленные копейки из «других источников» — все шло на просмотр кинофильмов.

Нередко родители входили в «положение» и к наши копейкам добавляли свои.

Кинофильмы и прочитанные книги бередили детские души. Приключенческую литературу и фантастику я считал интересной, но «легкой». Они воспитывали нашу любознательность, расширяли кругозор. Их положительные герои были высоконравственными людьми.

Но все чаще мы увлекались более «серьезной» литературой: книгами о Щорсе, Котовском, Пархоменко и, конечно, Чапаеве и другими героями гражданской войны, которые в 30-е годы были для нас близкими и понятными, хотя мы сами находились еще в детском и юношеском возрасте.

Среди книг выделялась ни с чем не сравнимая «Как закалялась сталь» Николая Островского. Она, как никакая другая, запала в наши сердца глубоко и надолго. Не помню ни одного знакомого мне человека, особенно молодого, кто бы не прочитал этой книги и кого бы она не взволновала. Ее читали школьники и студенты, рабочие фабрик и заводов, в воинских частях, в колхозах и совхозах.

Во-первых, поражала неординарная личность самого писателя. Активный участник гражданской войны, герой трудового фронта, слепой и парализованный, выживший каким-то чудом, в своей книге сумел показать то, что наиболее волновало молодежь 30-х годов. Как жить, во имя чего жить.

Главный герой книги Павел Корчагин был для нас образцом мужества и героизма, неподдельной принципиальности, высочайшей пролетарской нравственности, идейной убежденности, общественного долга, непримиримости в

быту, железной воли. Таких людей, как Павел Корчагин, возможно, были единицы. Но людей с такими же жизненными принципами, а позже и его последователей — миллионы.

Когда-то В. И. Ленин, прочитав «Что делать?» Чернышевского, сказал, что эта книга буквально «перепыхала» его. Не будет никаким преувеличением сказать, что и «Как закалялась сталь» тоже перепыхала ни одно поколение людей и не только в Советском Союзе.

Еще не прочитав этой книги, ничего не зная об Островском, о его Корчагине, миллионы юношей и девушек уже были «корчагинцами», такими же убежденными строителями социализма, бессеребренниками, искренне презирали «трошечкой» уют. Они уже всем сердцем были готовы к книге «Как закалялась сталь».

Конечно, не в детстве и юности, а уже в зрелом возрасте, я более глубоко воспринял эту чудесную книгу, я как-то вычленил черты характера корчагинцев, сформулировал их жизненные принципы. А тогда, в 30-е годы, я, еще мальчишка, все это осознал как-то подсудно, подсознательно, видя перед собой не только книжных героев, но и живых конкретных людей, в большей или меньшей степени похожих жизненной позицией на Павку Корчагина, обладавших важными чертами его характера.

Такие ребята были и среди старших школьников, друзей моего брата, но наиболее ярким и убедительным примером такого характера, как мне кажется, был младший сын хозяина нашего дома 16-и летний Зиновий. Он хорошо учился в школе, закончил девятилетку только на «отл.». Умный, эрудированный, целеустремленный, после школы поступил на завод токарем для закалки пролетарского характера и заочно учился в индустриальном институте.

В быту скромный и неприхотливый, он презирал всякие «излишества» в еде, одежде, мебели. Его родители, наши хозяева, жили в трех комнатах, обставленных приличной мебелью. Марк Владимирович, его отец, ходил в костюме с гал-

стуком, имел карманные часы на серебряной цепочке и золотое обручальное кольцо.

Любимец семьи, Зиновий выхлопотал для себя маленькую комнатку в противоположном от квартиры родителей углу, практически без мебели: стол, стул, железная кровать и этажерка с книгами.

С началом весны и до поздней осени ранним утром он в трусах, босиком на земле занимался гимнастикой. Вытаскивал штангу, растягивал тугую резину, «крестился» двумя пудовыми гириями. Презирал дорогие рубашки и галстуки, ходил в простеньких брюках, рубашке-«косоворотке», подпоясанной узеньким кожаным ремешком, и самых дешевых сандалиях.

Комсомольский активист, он то засиживался на собраниях, то где-то выступал с пламенными призывами, охотно одалживал заработанные собственным трудом деньги, был передовиком производства. В первые же дни Великой Отечественной войны добровольцем ушел на фронт защищать свою родину и свои идеалы, в которые он безоговорочно верил.

Таковыми же чертами характера, идейной убежденностью обладали видимо, легендарные строители Комсомольска-на-Амуре, Сталинградского и Харьковского тракторных заводов, Днепрогэса, герои трудового фронта — каменщики, штукатуры станочники, с невиданным энтузиазмом выполнявшие по несколько плановых норм, бывшие «стахановцами», задолго до трудового подвига Алексея Стаханова.

Страдали ли они от своего аскетизма и пуританского образа жизни, всепобеждающей веры в святую идею построения социализма? Я, любознательный мальчишка, которому «всё было нужно», не замечал в таких людях ни уныния, ни пессимизма, они не чувствовали себя обделенными судьбой, а, наоборот, считали себя хозяевами жизни.

Конечно, они не были святыми. Возможно, они слишком «зацикливались», вели уж очень аскетический образ жизни, были своего рода Рахметовыми или Корчагинскими, в силу своего возраста совершали какие-то ошибки. Им не хватало жизненного опыта. И не все впоследствии становились ис-

тинными ленинцами. Жизнь вносила свои коррективы и в их характеры, и в их судьбы, но в молодости, выпавшей на 30-е годы, они были людьми замечательными.

Истинный, а не показной энтузиазм, бескорыстие, жертвование иногда и личным счастьем ради коллектива и светлого будущего — вот отличительные черты комсомольцев того поколения.

Комсомолец — это было желанное, проверенное на деле звание. В комсомол отбирали, проверяли — соответствует ли человек этому высокому званию, а не скопом принимали десятки миллионов. Впоследствии уже которых было не так и среди комсомольцев оказалось множество безыдейных карьеристов и бюрократов, стремящихся к личной выгоде, исповедующих принцип: а что я с этого буду иметь? Они уже отвергали непримиримость к собственным недостаткам, на деле были против критики и самокритики, все больше обюрокрачивались.

Конечно, и в 30-е годы комсомольская среда не была таким монолитом. Начиналось вроде бы с простого. «А что плохого, если бы у меня дома стояла приличная мебель, чтобы был патефон и велосипед», — говорил кто-нибудь из друзей моего брата. На него, как стая коршунов, набрасывались «истинные» комсомольцы.

«Да ты же индивидуалист, эгоист. Как ты можешь говорить о каких-то личных запросах, о своем велосипеде, когда еще живут в подвалах твои товарищи? Разве ты против лозунга: «Вначале для Родины, потом для себя?». Вот построим коммунизм, когда все будет «по потребностям», тогда и велосипед себе покупай». И «эгоист» пристыженный, а то и раздавленный резкой критикой своих товарищей умолкал. Но отказывался ли он от своих взглядов и от своих запросов сверхскромных по нынешним временам? Конечно, эти критикующие комсомольцы были максималистами, непрактичными, неистовыми людьми, но в лучшем смысле этого слова.

Сейчас многие молодые люди оценивают поступки своих отцов, дедов и прадедов, комсомольцев 30-х годов, в луч-

шем случае, как поступки наивных чудаков, которые отрицали самое ценное и очевидное — право личности жить по собственному разумению. Самое ценное, говорит сегодняшняя молодежь — человек и удовлетворение его потребностей. Может быть, это и верно, но каковы эти потребности? А есть ли у молодежи долг перед государством, и в чем он выражается, каковы их духовные и нравственные ценности? Может и не Корчагин, но кто их жизненный идеал? К чему они стремятся? И тут надо ставить многоточие...

В 1936–1939 годах нас, пионеров и комсомольцев, чрезвычайно волновали события в далекой Испании.

Разумеется, мы не могли быть на полях сражений в загадочной стране. И разбомбленные города и селения этой страны мы видели только в кинохрониках и читали об этом в газетах. Мы не прятались от фашистских снарядов, но сердца наши были на стороне храбрых и мужественных республиканцев. И вместе с Доллорес Ибаррури, вождем испанских коммунистов, через моря и горы мы слали свои проклятия фашистам генерала Франко, фашистам Германии и Италии.

Мы славали свои монетки в фонд помощи испанским детям.

Для поддержки республиканцев отбирали добровольцев-комсомольцев, но не школьного возраста. А сколько молодых ребят, горячих патриотов нашей Родины, осаждали военкоматы, требуя послать их сражаться в далекую Испанию, воевать вместе с товарищами «по классу» против угнетателей, помещиков и капиталистов? В школе перед нами выступали какие-то военные и гражданские лица. Они взволнованно рассказывали о событиях в Испании, призывали нас к «солидарности» с испанскими трудящимися. И гневные статьи журналистов, особенно Михаила Кольцова, об испанских событиях наполняли наши сердца гневом и проклятиями в адрес душителей республики, звали к солидарности с республиканцами.

Мы знали, что дети республиканцев ежедневно погибают от бомбежек, артиллерийских налетов, что школьники-

наши сверстники, вынуждены учиться в каких-то подвалах вместо разбомбленных школ, о том, что по всей стране (конечно и в нашем Мелитополе) наш народ встречает испанских детей, которых удалось вырвать из кошмара войны.

Хорошо помню, как на улице Карла Маркса, напротив нынешнего краеведческого музея, а раньше там был горком партии, на тротуаре стояла большая группа испанских ребят 10–12-и лет. Вокруг — масса людей, играет духовой оркестр, а во время музыкальных пауз выступают наши и что-то непонятное говорят гости.

И каждый из них свое короткое выступление завершал известным и понятным нам всем призывом-клятвой республиканцев: «Но пасаран!» (Они не пройдут!) и поднимал вверх руку со сжатым кулаком. В ответ и мы сжимали свои кулачки и неистово, от всего сердца кричали: «Но пасаран!».

На головах у наших гостей были какие-то интересные шапочки. Голубенькие, наподобие пилоток, с кисточкой посредине. Эти шапочки называли «испанками».

Заиметь такую «испанку» было заветным желанием каждого мальчишки и девчонки. Не помню, каким образом, но вскоре такие шапочки сумели приобрести многие школьники. И у меня была такая «испанка».

Глава VII

Мы «шкодничаем». Выборы в Верховный Совет. Субботник. Бульвар. Дворец пионеров.

И как-то не вязалось, что мы, «идейно подкованные», «правильные» ребята, совершали бесчестные поступки, «шкодничали». Правда, мы были еще учениками начальных классов, но это нас мало оправдывало.

В Мелитополе, чуть ли не посреди города, находилось старое запущенное кладбище. Если от нынешнего здания педагогического университета по широкой лестнице подняться вверх, то слева и справа, больше справа, от нее стояли памятники и вокруг были заросшие бурьяном могильные холмики.

Мало того, что мы там играли, кричали, бегали, толкали друг друга, совершенно не заботились о «святости» этого места, мы еще и «шкодничали», особенно на пасху.

Родственники усопших оставляют на могилке куличи, пасхи, крашеные яйца, дешевые конфеты, а мы тут как тут. Только они отойдут от могилки, как мы хватаем эти пасхи и яйца и не из-за голода конечно, а так просто из «вредности», разламываем, крошим, бросаемся яйцами и конфетами. Нас прогоняли старики и старухи, мы убегали в сторону, а через некоторое время продолжали свои «злодейские» деяния.

К счастью, мы не доходили до такого варварства как ломать, крушить надгробия и памятники, пачкать их несмываемой краской. Мы действительно были вредителями, но не вандалами.

То ли мы повзрослели, то ли прошла такая «мода», но свои разрушительные действия и различные игры на кладбище мы вскоре прекратили, нашли другой объект для своих игр.

В летнее время, в период созревания фруктов, у нас, мальчишек с улицы Акимовской, были и такие «развлечения».

В городе, где тысячи садов, где вкуснейших фруктов было навалом, мы повадились лазить через забор и трясти сад одинокой старухи, костлявой и злой, как нам казалось. Сад старухи состоял всего из четырех старых деревьев и располагался выше нашего дома по противоположной стороне улицы. Желчная, злая старуха отказывалась «угостить» нас абрикосиком или грушей.

«Бабушка, говорят у вас очень вкусные абрикосы. Вы бы дали нам хоть парочку», — канючил кто-либо из нас. Она отмахивалась от «сопляков» и «хулиганов», как она величала нас. Пока «проситель» заговаривал ей зубы, его два «подельника» перелезали через ветхий забор с другой стороны двора и набивали фруктами свои карманы и картузы, при этом иногда обламывая ветки. Операция обычно продолжалась минут пять. «Проситель» фруктов уже настолько надоедал старухе, что она, размахивая суковатой палкой, посылала нам страшные проклятия, гнала от двора, совершенно не ведая, что «сопляки» и «хулиганы» уже сделали свое черное дело.

Иногда наше нахальство заходило так далеко, что кто-то из «грабителей», сидя на заборе и держа картуз только что сорванных абрикос или груш, еще и передразнивал ее. А она, размахивая палкой, кричала: «И чтоб у вас руки отсохли, чтоб вы провалились, чтоб у вас брюхо лопнуло».

Боже мой, какими мы были безжалостными в свои 8–10 лет! Ведь сорванные таким подлым образом фрукты мы чаще не съедали, а разбрасывали. И вообще фрукты в саду старухи были неухоженными, кислыми и невкусными. А вокруг росли замечательные деревья, где любые плоды — одно объедение. Видимо, нам доставляло удовольствие мучить несчастную старуху. И все-таки «шкодничество» было лишь досадным эпизодом нашей жизни.

А главным было то, что мы искренне радовались, как теперь бы сказали, «балдели», успехам страны. А успехов было много.

Писали и говорили о славных шахтерах и сталеварах, свекловодах, трактористах и комбайнерах.

В эти годы на весь мир гремели подвиги наших полярников, отважных летчиков, первых Героев Советского Союза — Ляпидевского, Чкалова, Громова, Водопьянова. Мы все хорошо знали и героев-женщин — Гризодубову, Раскову и Осипенко. Кроме этих фамилий, каждый советский пионер-активист, а мы себя считали именно такими, мог бы перечислить еще десяток, известных всей стране людей.

В дни выборов в Верховный Совет 1936 года мы тоже выполняли пионерские поручения. На своей улице расклеивали плакаты с портретами кандидатов в депутаты.

Идем с Яшкой по своей (моей) Акимовской снизу вверх. Он несет большой рулон плакатов, а я — банку клея и широкую кисть. Останавливаемся то у столба, то у стены какого-либо дома. Я провожу кисточкой по тыльной стороне плаката полоску клея, затем мы разглаживаем этот плакат и аккуратно наклеиваем. Запомнилось содержание одного из многих плакатов. «Голосуйте за кандидата в депутаты в Верховный Совет СССР Ивана Ивановича Сало, знатного стахановца колхозных полей». Смеемся над смешными фамилиями, обсуждаем портреты своих «героев», но беззлобно, больше уважительно.

Свою работу мы считали важным пионерским поручением и со всей серьезностью и ответственностью подходили к ней. Находимся с тяжелой ношей за день так, что ноги аж гудят, но ночью засыпаем сладким сном с чувством выполненного долга.

Однажды в вестибюле школы на большом листе бумаги вывесили объявление: «Завтра состоится общешкольный субботник. Всем приходиться в школу в рабочей одежде».

После четырех уроков нас, пятиклассников, вооружили метлами, совками, корзинками из гибких прутьев, деревянными носилками. На школьном дворе и прилегающем к шко-

ле скверике мы должны были убрать весь мусор. «Работать так, чтобы ни одной соринки не осталось», — напутствовали нас организаторы субботника. И мы с энтузиазмом принялись за дело.

А старшеклассники вышли на работу с лопатами, ломами, граблями. Они должны были подсаживать деревья, заравнивать ямки и помогать нам в уборке мусора.

Мальчишки-старшеклассники с веселыми криками разделись до пояса и щеголяли своей мускулатурой. Разбившись на группы, они окапывали деревья и кустарники. Там, где земля оказывалась неподатливой, выдалбливали ломом ямки для молодых деревьев. Девочки работали граблями.

В скверике, где работали старшеклассники, на скамейке сидел морячок, как оказалось — отпускник. Он пристально смотрел на работающих, особенно на девочек. Лицо его было серьезным и сосредоточенным. Оказалось, что он разглядывал девушек не из праздного любопытства, а с очень серьезными намерениями. Когда подсевшие к нему ребята спросили, чего он так долго разглядывает наших девушек, он полусмущенно, но именно «полу» ответил, что он себе будущую жену высматривает. А именно здесь, потому что он убежден, как девушка работает, такой и будет женой. Нелегко, видимо, было ему выбирать, потому что все девчонки, как и мальчишки, работали здорово, с увлечением.

Но старшеклассники нашли в своих рядах двух «уклонистов», которые только делали вид, что работают. Их сразу же «пропесочили» в «Боевом листке». Нарисовали почему-то с длинными ушами и носами. Говорили, что их будут еще «разбирать» на комсомольском собрании.

Мы тоже старались работать вовсю. Наш класс даже похвалили, хотя и у нас нашелся один «сачок». Он начал оправдываться, что у него, мол, живот заболел. Но мы не поверили. Он просто прятался за уборной. Даже кому-то говорил: «Что я ишак, чтобы работать бесплатно».

Вообще же субботники и воскресники проходили у нас не очень часто. Но ребята всегда работали с энтузиазмом, и чи-

стота и порядок вокруг школы были лучшим доказательством нашего старания.

В середине 30-х годов прошлого столетия, а, может быть, и раньше, в Мелитополе, как говорят, и в других южных городах, было примечательное место для отдыха людей — бульвар. Так называли широкий тротуар по улице Карла Маркса (до революции она и называлась Бульварной) примерно от улицы Свердлова до кинотеатра «Красный факел».

«Пройдемся по бульвару», — говорили его пожилые посетители...

«Прошвырнемся по пяточку», — призывали друг друга молодые ребята и девушки.

Обычно в конце выходного дня, ближе к вечеру, окончив свои хлопоты по дому, люди выходили в центр города «подышать свежим воздухом». Это было недалеко от истины, потому что машины по городу ходили очень редко, и небо над городом еще не заволакивал дым от заводских труб.

Семейные пары и молодежь надевали свои лучшие костюмы и платья, кофточки, тужурки — у кого что было «выходное», и шли на этот городской пяточок, метров 100–150 в длину. Ходили и по одному, и парами, а то и целыми компаниями. Шли медленно и чинно по Карла Маркса сначала в одну сторону, а затем в противоположную. На бульваре не приняты были громкие приветствия, крики, лобзания. Это считалось неприличным.

Люди не спеша шли по тротуару, иногда приостанавливались, приветствуя друг друга возгласом, а то и по-старинному, приподнимая шляпу. Пары негромко переговаривались между собой и со своими знакомыми, шутили, смеялись. Бывало, молодые люди шли в обнимку или держась за руки, но не более того. Целоваться прилюдно считалось неприличным. Погуляют два-три часа и ближе к полночи расходятся по домам.

Мы, мальчишки и наиболее шустрые девчонки, конечно, на этом бульваре были «нештатными». Нас нередко гоняли

взрослые, насмешливо говорили, что нам пора спать, а мы час-два шныряли между парами, что-то подмечали, подслушивали, и отдельные эпизоды бульвара запоминались нам на долгие годы.

Не думаю, что эти прогулки по бульвару преследовали целью покрасоваться, блеснуть модным одеянием. В модах, мне кажется, тогда не очень-то разбирались. Приличным считалось чистое, выглаженное платье или костюм, вычищенные туфли или ботинки.

В хорошую погоду в вечерней прохладе люди действительно были рады отдохнуть от дневных забот и подышать свежим воздухом, не спеша поговорить о чем-то своем. Приятным было встретить друзей и знакомых, обменяться мнениями, новостями, пригласить друг друга в гости.

На этом бульваре люди знакомились друг с другом, влюблялись, находили свое счастье.

Мы, мелкота, среди гуляющих пар подмечали самых примечательных, чем-то особенных, запоминали отдельные слова и эпизоды.

Вот уже начинается темнеть, на бульваре полно гуляющих, а с улицы Свердлова выплывает странная пара. Он — крупный тучный мужчина лет сорока, с широким ремнем через весь живот и маленьким «Браунингом» в желтой кобуре на боку. Это — начальник мелитопольского НКВД (милиции), как говорили тогда, почему-то шепотом, жена его — миловидная хрупкая женщина, — рядом со своим мужем выглядит девочка-подростком.

Гуляющие осторожно обходили эту пару.

А около аптеки на ступеньках, всегда на одном и том же месте, стоял одинокий старик, — мужчина лет пятидесяти, с острой бородкой и смотрел куда-то вдаль, вверх голов гуляющих.

Мы про себя называли его козлом. Он ни с кем не разговаривал, стоял на одном месте, как памятник, и уходил с бульвара почти последним. Чем объяснялось его странное поведение — никто не знал.

Идет по бульвару и такая пара. Она — высокая в розовом платье, вся зареванная, он — здоровенный мужчина с грубыми чертами лица, какой-то злой, весь дерганный.

— Если еще раз зыркнешь на него, я тебя прямо здесь разложу, — зло бросает он ей.

— Это ты, вонючий хряк, по сторонам шарить своими глазами, ищешь свою старую подружку, — так же злобно отвечает она.

Наше гуляние обычно продолжалось час-два. А сколько интересного мы подмечали! Дома каждого из нас ожидают неприятности за долгое отсутствие. Кого — какие.

А пары прошиваются то в одну, то в другую сторону. Одни уходят, а другие появляются. А когда наступает ночь, часов в одиннадцать-двенадцать, пары расходятся по домам, и бульвар пустеет.

Будучи еще совсем юным, я не раз видел это здание, особенно когда родители шли в гости к Чернякам и брали меня с собой. Они жили по улице Фрунзе, и мы обязательно проходили мимо этого здания. Двухэтажное серое, облезлое. Здесь помещалось какое-то учреждение, а до революции здесь был банк. Кажется в 1935 году по городу разнеслась весть, что на месте этого обшарпанного здания открыт Дворец пионеров. Слово Дворец для нас, детворы, было не просто словом, которое писали с большой буквы, а чем-то величественным и сказочным.

Новое двухэтажное здание, выкрашенное в голубой цвет, было действительно очень красивым снаружи и внутри. Через широкие двери входил в просторный вестибюль с мраморным полом. У самого входа таким же мрамором, несколько более темного цвета, выложены две большие буквы: «В» и «К». Как рассказывали — это заглавные буквы имени и фамилии активного создателя и первого директора Дворца пионеров Владимира Краславского.

И вот это красивое веселое здание с утра до вечера наполнялось радостными голосами его посетителей и хозяев.

Во Дворце пионеров работали различные кружки и секции. Вначале их было немного. Кажется, хоровой, изобразительного искусства, танцевальный, радио. Чуть позже — духовой и ПВХО — противовоздушная и химическая оборона. В самом названии было что-то военное, а оно тогда было в особой чести, особенно у нас, мальчишек. На мой выбор тоже повлиял внешний вид руководителя кружка. Он ходил в полувоенном костюме с широкими галифе и желтых крагах.

Занимались мы поначалу раз, а затем и два раза в пятидневку. Учебных и рабочих недель еще не было, как и названий — суббота, воскресенье. Даже бытовала шуточная песенка:

День гуляю,

Два — больной.

А на третий — выходной.

На четвертый — я устал,

А на пятый — опоздал.

Чем мы занимались в своем ПВХО? Изучали различные яды и отравляющие вещества — иприт и люизит, которые считались самыми страшными на войне. Наш руководитель, человек средних лет, с нездоровым цветом лица, часто приносил на занятия какие-то пробирки, конечно не с настоящими отравляющими веществами. Развешивал красочные плакаты. Все это впечатляло.

Много внимания уделялось работе с противогазом. Нас учили быстро надевать и снимать его с головы, подгонять под «свой размер». Мне удавалось проделывать эту процедуру за несколько секунд, и руководитель хвалил меня. Нередко проводились соревнования: кто быстрее назовет какие-то свойства отравляющих веществ, кто быстрее определит их.

Я иногда удивляюсь: как такие занятия не казались нам скучными? Почему мы с нетерпением ждали дни и часы занятий нашего ПВХО? Видимо, в этих занятиях была какая-то романтика. Конечно, заманчивее было в стрелковой секции. Рядом с Дворцом был зеленый скверик, в центре его — красивый фонтан, а рядом — тир. Там обучали стрелять с воздушных и малокалиберных винтовок...

Но нам, младшим школьникам, не разрешалось заниматься с оружием. А как хотелось! Старшие ребята сдавали нормы на значок «Ворошиловский стрелок» и с гордостью носили его на груди.

Хотя Дворец пионеров отнимал у нас много времени, но мы не считали его потерянным. Ну, чуть меньше погоняешь по улице, прочитаешь чуть меньше интересных страниц. Не беда! Зато побываешь в настоящем, а не сказочном Дворце, где всегда интересно, где внимательно и строго следили за нашей учебой. И горе было тем, кто в школе получал «плохо» и даже «посредственно». Таких из Дворца могли отчислить.

Впоследствии сколько ребят открывали и развивали свой талант именно в мелитопольском Дворце пионеров, сколько из них стали героями войны и труда! Ими по праву мог гордиться наш Дворец, наш Мелитополь!

Глава VIII

Городской сад. Духовой оркестр. Купальня. Парк культуры и отдыха. Тир и парашютная вышка. Стадион. Футбольные матчи.

Замечательным местом отдыха мелитопольцев был старый городской сад. Он располагался в нижней части города, в районе дома Ардировича и весь был огорожен железным кованым забором, который не портил, а украшал его вид. Сад занимал сравнительно небольшую площадь, но в нем хватало места и для летнего театра, и для эстрады и различных аттракционов. С левой стороны сада находился пруд, обсаженный старыми, но красивыми деревьями, и подочная станция, много уютных беседок.

Почти у самого входа в сад размещались купальни. Слева — женская, справа — мужская. Дорожки сада усыпаны мелким белым песочком и гравием. Широкая центральная аллея с обеих сторон засажена красивыми стройными деревьями. В конце сада был небольшой круглый фонтан, всегда наполненный чистой водой, а рядом — танцплощадка и место для духового оркестра, который играл по выходным дням до позднего вечера. Среди трубачей-«лабухов», как их здесь называли, были пожилые люди и молодежь. Они добросовестно трудились, услаждая публику, по несколько часов подряд, прерывая свою игру редкими и короткими перекурами.

Мы, школьники, шныряли по аллеям и у фонтана, и у летнего театра, все что-то высматривая и «вынюхивая».

Центральная аллея сада была хорошо освещена. И по ней и по боковым аллеям ходили попарно и молодые и уже в возрасте мужчины и женщины с красными повязками на ру-

кавах. Это дежурные. Они внимательно следили за порядком и чистотой сада. Чтобы никто не хулиганил, не сквернословил, чтобы никто не бросал окурки в неположенном месте, не сломал и веточки, не рвал цветы. Обычно нарушители порядка беспрекословно подчинялись дежурным, но на всякий случай вблизи находился и милиционер, который в любую минуту мог оказать помощь. Но нарушения, как мне помнится, были весьма редки. Горожане любили свой сад!

Гремел оркестр, наигрывая популярные песни. Иногда люди, проходя мимо музыкантов, подпевали. Многие пары кружились на танцплощадке. Как в песне: «Сколько здесь было танцующих пар, сколько здесь песен звенело!». В городском саду гуляло много завсегдатаев, особенно тех, кто жил в районе дома Ардировича.

Главной достопримечательностью городского сада для нас, школьников, была купальня. В небольшой будочке у входа в купальню продавали билеты. Кажется, за час пребывания в купальне билет стоил 30 копеек.

Не понимаю, как могла немолодая женщина-кассир среди нескольких десятков голых попок (малышня купалась голяком) отловить именно того, который заплатил за один час, а норовит подольше побыть в воде. И ее не касалось: купался ты или загорал. Хочешь продлить свое удовольствие — плати еще 30 копеек!

А «старуха», как мы ее про себя называли, все-таки имела доброе сердце: нередко она разрешала, особенно постоянным клиентам, поплескаться в воде лишних десять-пятнадцать минут.

Разделенная тонкими деревянными щитами мужская и женская купальни не могли заглушить звонкие голоса девочек, с которыми мы переговаривались во время купания.

Побывать в городской купальне хотя бы один раз в пятьдесят дней, было заветным желанием каждого из нас. И эти 30, а то и 60 копеек, собирали в копилки, отрывали

от «карманных» денег, изредка выдаваемых нам на «неотложные» нужды.

В жаркий летний день, особенно к полудню, приятно было побарахтаться в прохладной водичке. Она подогревалась на солнце, но была не теплой, а приятно бодрящей. Плавать толком никто не умел. Плавали чаще всего «по-собачьи» и лишь иногда подобием «браса» или «кроля».

Посетители купальни обычно знали друг друга. Вместе в воде плескались, веселились, поливая друг друга водой, дергая за руки и за ноги. Тут же громко, никого не стесняясь, делились своими впечатлениями.

Иногда на «берегу» пересказывали друг другу интересные книги и полюбившиеся кинофильмы.

Медленно и неохотно уходили мы из купальни. А ярких впечатлений хватало на всю пятидневку.

И все-таки городской сад — чистый, красивый, ухоженный, с благоухающими цветами, красивыми деревьями и кустарниками был явно тесноват. Здесь не хватало простора, чем выгодно отличался от него городской парк, который находился в другом конце города, если идти вверх по нашей улице, то за нынешней автотрассой — Харьков — Симферополь, в районе Земской больницы. Справа от входа в парк на большом пустыре стоял когда-то дирижабль. Парк был молодой. Его начали высаживать и благоустраивать в 1927 году. Отец шутил, что парк — мой ровесник и создавали его ко дню моего рождения.

Центральный вход в парк через арочные ворота имел несколько проходов. Справа и слева от них — билетные кассы с маленькими окошечками. К центральному воротам вели широкие ступеньки. Ограда парка, как и городского сада, металлическая с коваными пиками. Она служила дополнительным украшением парка. И чего там только ни было! Летняя эстрада и кинотеатр, игровые площадки, большая танцплощадка, стрелковый тир, стадион, парашютная вышка.

Настоящим украшением парка был большой фонтан с каменными лягушками по его периметру. Из их пасть вытекали струйки прозрачной чистой воды. Когда начинало темнеть, фонтан подсвечивали прожекторы, и вода казалась разноцветной. Рядом с фонтаном — постоянное место для сводного духового оркестра. В нем играли и музыкальные знаменитости. Не только на танцплощадке, но и вокруг фонтана люди танцевали, пели и веселились.

В парке, как и городском саду, была широкая центральная аллея. По ее обе стороны высились молодые, но рослые деревья, разнообразные кустарники. На небольшом расстоянии одна от другой — вместительные и удобные скамейки для отдыха. На них сидели люди все больше преклонного возраста. А молодые прогуливались по боковым затененным аллеям или пребывали на танцплощадке.

Особенно интересно в парке было в выходные дни. Нарядная публика, сотни, а вернее — тысячи людей самого разного возраста. Работали игровые площадки и карусели. В летнем кинотеатре все желающие смотрели кинофильмы. Вокруг — много будочек или открытых столов, где продавалась сельтерская вода.

Интересно отметить, что наш парк в разное время носил разные имена. Вначале он назывался именем Хатаевича, первого секретаря Днепропетровского обкома партии, вскоре разоблаченного «врага народа».

После ареста и расстрела Хатаевича наш парк называли именем Кагановича, наркома путей сообщения (или железных дорог), ближайшего соратника Сталина, а затем (и уже поныне) он стал называться Парком культуры и отдыха имени А. М. Горького.

Мои впечатления о парке далеко не полны и фрагментарны. Подробно об этом парке, точно и документально можно прочитать в интересной книжке Е. Л. Харитоновой «Парк юности нашей».

Особенно много молодежи собиралось у тира и парашютной вышки. Слышны были винтовочные выстрелы. Тир ра-

ботал с полной нагрузкой, даже стояла небольшая очередь желающих пострелять парней и девушек.

А у парашютной вышки народу еще больше. Хотя один прыжок стоил 50 копеек — желающих хоть отбавляй. На самом вершине вышки, на небольшой деревянной площадке — инструктор по «парашютному спорту». Он объясняет «счастливчику» правила прыжка, помогает надеть парашют. Прыгающий знает, что парашют опускается при помощи троса. Перед тем, как коснуться земли, трос приостанавливается. Хотя все рассчитано точно, и прыжок полностью безопасен, лететь с высоты двадцати пяти метров (это примерно 10-й этажный дом) — хорошая проверка смелости и решительности.

Прыгать разрешалось только с шестнадцатилетнего возраста. Как работники вышки вычисляли шестнадцатилетних, но низкорослых, и длинных четырнадцатилетних, — трудно понять. Но они редко ошибались.

Как представителю многочисленной братии футбольных болельщиков 30-х годов и поныне, хотелось бы несколько подробнее рассказать о стадионе и футболистах.

Вход на стадион стоил 50 копеек, — сумма не малая для нас, школьников. Поэтому не раз мы пытались, но не всегда успешно, пробраться на стадион через высокий деревянный забор. Мы даже умудрялись делать какие-то лазы, подкопы. Иногда нам везло. Нас проводили с собой знакомые футболисты.

Захватывающим зрелищем был для нас футбольный матч. Не каждая фабрика, завод, а тем более артель могли собрать команду из 11 человек (о запасных игроках зачастую не могло быть и речи). Поэтому играли и смешанные команды. Спортивной формы, да еще одного цвета, не всегда хватало. Но многочисленные зрители всегда узнавали своих любимцев, неистово им аплодировали и приветствовали во всю мощь своего горла.

Во время игры болельщики оглушительно кричали. Неподеленную радость вызывали удачные проходы и пасы, а

если нападающий или один из игроков забивал гол — стадион ревел от восторга, и этот дикий радостный рев был слышен во всех уголках парка и даже на ближайших к парку улицах.

Наша поддержка добавляла азарта игре, и футболисты старались повсюду. Играли в футбол надувным кожаным мячом со шнуровкой. Перед игрой судья проверял, как мяч накачан, состояние бутсов и другой обуви.

...Смотришь на нынешний футбол, сидишь на прекрасно оборудованных стадионах или наблюдаешь за игрой у телевизора и невольно сравниваешь игру нынешних футболистов с тем, что было в далекие 30-е годы.

У нынешних и форма прекрасная, и бутсы самые современные, и мячи, изготовленные на лучших фабриках мира. А сама игра? Техника игры зачастую прекрасная, и скорости передвижения по футбольному полю огромные, и видишь, как возросла нагрузка футболистов во время тренировок и качество самих предметных тренировок. «Дедушкам» нынешних футболистов в этом отношении было и проще, и сложнее. Судите сами. Эти «дедушки» даже в день игры не всегда освобождались от своей основной работы «у станка». И не всегда удавалось найти время для тренировок непосредственно перед матчем. В большинстве команд не было штатного тренера и на его роль футболисты отбирали наиболее опытного и авторитетного игрока. Именно поэтому многим игрокам не хватало техники, они не знали многих футбольных «хитростей».

Но с каким азартом, упоением, упорством и желанием они играли! Многие игроки-самоучки прекрасно владели мячом, умели искусно и точно передать мяч товарищу по команде, хитро обвести двух, а то и трех защитников и забить неотразимый гол прямо в «девятку» ворот противника.

Они были кумирами своих болельщиков, горячими патриотами своих фабрик и заводов.

Несравнимо было и материальное вознаграждение игроков. Игрокам довоенных команд, может быть что-то и доп-

лачивали к основной зарплате, и эти деньги ребята тратили на приобретение мячей, бутсов, формы.

Нынешние игроки — зачастую миллионеры без всяких ка-вычек или же высокооплачиваемые игроки, зарплата которых гораздо выше зарплаты крупных ученых, выдающихся врачей или учителей.

Не поняли бы, не поверили бы, не приняли бы футболисты 30-х годов куплю продажу игроков. Как это можно — продать или купить, как вещь, живого футболиста, которому безразлично где играть, с кем и против кого — хоть на Северном полюсе против чукчей или в жаркой Африке против негров — лишь бы платили «бабки» и чем больше, тем лучше.

Нынешние футболисты в мастерстве (хотя далеко не всегда) прибавили, а в патриотизме, безусловно, потеряли. А как бы хотелось видеть на поле своих игроков и, как исключение — заморских, и пусть бы игрокам платили достойную зарплату, но при этом соблюдалось чувства меры. И как бы хотелось, чтобы мы, болельщики, «страдали» за «своих» игроков, за «свою» команду, за «свой» город или район, за свою страну!

Глава IX

«Малая Кагановическая». В походе. Как жить дальше?

В тридцатые годы прошлого столетия нам, кроме школы было где и чем заниматься. И Дворец пионеров совершенствовал свою работу и неизменно увеличивалось количество кружков, секций, студий. Росло количество любознательных ребят. Дворец не пустел даже в летнее время, когда начинали работать круглосуточные пионерские лагеря на Алтагире, Молочном лимане и в селе Кирилловка. За небольшую плату можно было приобрести путевку на 24 дня. А некоторые исхитрялись приобретать по две путевки, почти на все лето.

За это время ребята получали хороший заряд бодрости и неплохо укрепляли свое здоровье. Но подобные нашему, дворцы пионеров и летние пионерские лагеря были и в других городах республики.

И вдруг ошеломляющая новость — в нашем городе, в парке имени Кагановича началось строительство детской железной дороги, где на полном серьезе будут работать сами ребята: машинистами, путейцами, связистами.

Одновременно началось строительство двух станций и по периметру парка тянут железнодорожное полотно. Вскоре по школам началась запись юных железнодорожников.

Отбирались ребята по двум критериям: все должны были учиться на «хорошо» и «отлично». Некоторые отклонения все-таки допускались. И ребята должны быть дисциплинированными.

Таких отобранных ребят оказалось больше, чем требовалось для начала работы.

Первых пару лет я не «изменял» своему Дворцу пионеров и неизменно посещал свой кружок. Да и на детскую желез-

ную дорогу принимали ребят с пятого класса. А я учился еще в начальном. Но от своего старшего брата, который на железную дорогу записался одним из первых, я узнал о торжественном открытии Детской железной дороги. На это торжество даже приезжал сам нарком путей сообщений Лазарь Каганович. Брат рассказывал, что паровоз действительно настоящий, но чуть меньше настоящего и построен он в Днепропетровске специально для нашей дороги.

Такими же, но несколько меньшими, были шесть вагончиков.

Почему именно в нашем маленьком провинциальном городе построили детскую железную дорогу? Кроме нее, в СССР существовали еще две такие же. В Тбилиси (это столица республики) и Днепропетровске — крупном промышленном городе. А у нас почему?

«Разгадали» это событие так: Детская железная дорога построена в Мелитополе потому, что нарком Каганович в далекие годы царизма именно здесь занимался революционной деятельностью.

Дорогу строили ускоренными темпами. Быстро уложили рельсы и шпалы и закончили строительство двух-этажных железнодорожных станций. Одну назвали «Пионерская», другую — «Павлика Морозова». Здания были очень красивыми.

Хоть и не с самого начала, но в число отобранных из седьмой школы попал и я. У меня даже спросили, в какой бы службе я хотел работать? Но мне трудно было выбрать: хотелось быть и машинистом, и связистом, и путеобходчиком. Но все-таки записался я в службу связи. Говорили, что связисты будут по радио объявлять движение поезда, изучать азбуку Морзе.

Когда кандидатуры утвердили и окончательные списки вновь вывесили в вестибюле школы, ликованию нашему не было предела.

Многим ребятам, конечно, при материальной помощи родителей, в швейной мастерской пошили специальные (по размеру) железнодорожные формы.

В нашей семье не было возможности пошить формы на двоих, и она досталась старшему брату. Он уже был начальником службы движения. А я посещал железную дорогу в своей обычной, но всегда вычищенной и выглаженной одежде.

Один раз или два в неделю с нами проводили полтора-часовые занятия. Обучали нас рабочие-железнодорожники, которым было поручено работать с детьми.

Хотя железная дорога уже действовала, но нас, новое пополнение, в одно из воскресений собрали на площадке перед станцией «Пионерская». Там же собралась масса народу: наши родители, работники железной дороги и просто любопытные. Играл духовой оркестр. Перед нами стояли многочисленные гости, которые по разным причинам не могли присутствовать при открытии железной дороги. Говорили, что среди гостей были посланцы Москвы.

К перрону подошел состав: маленький аккуратный паровозик и шесть голубых вагончиков. У каждого из вагонов стояли в железнодорожной форме девочки-проводники. Они были вежливы и предупредительны к пассажирам, особенно к тем, кто пришел с маленькими детьми.

Желающих прокатиться, особенно в выходные дни, было очень много. Выстраивались даже очереди. Все терпеливо ждали начала движения.

Вот дежурный по вокзалу в красной фуражке махнул флажком, дал зеленый свет, паровозик загудел, торжественно, отрывисто и, как мне показалось, жалобно, как ребенок.

Вагоны были заполнены счастливыми пассажирами. Только самых маленьких сопровождали родители, а дети чуть постарше гордо ехали самостоятельно. Они не выпускали из рук «настоящие» железнодорожные билеты, которые стоили, кажется, 30 копеек.

Железнодорожный путь проходил среди высоких зеленых деревьев и приятно пахнущих кустарников и цветов.

Пройдя полпути, поезд замедляет свой ход и пытаясь подходит к станции Павлика Морозова. Короткая остановка, и пассажиры успевают полюбоваться красотой парка. Проходит еще минут двадцать и состав прибывает на станцию «Пионерская». Здесь пассажиры выходят и освобождают место для тех, кто терпеливо ожидал своей очереди прокатиться.

Работа на «Малой Кагановической» — так называли нашу железную дорогу, конечно, отнимала массу времени, но к тому времени кружок ПВХО закончил свою работу, и я успешно сдал зачет. Теперь я мог сосредоточиться только на «Малой Кагановической».

В первые месяцы работы каждое отправление поезда и прибытие его на станцию было для меня радостным и торжественным событием. Но постепенно работа на железной дороге превратилась в повседневное выполнение своих служебных обязанностей. Но не было случая, чтобы я шел в наш парк против воли. Приходилось и объявлять по радио о прибытии и убытии поезда, передавать на станцию Павлика Морозова «срочные» сообщения по аппарату Морзе. Первое время точки-тире-точки мне снились по ночам. Но постепенно привык и хорошо изучил, что они обозначают.

Среди юных железнодорожников, особенно старшеклассников, только и разговоров было о том, как связать свою жизнь с настоящей железной дорогой. Вначале единицы, а затем все больше выпускников школ успешно поступали в железнодорожные техникумы и даже в Днепропетровский институт железнодорожного транспорта.

На железной дороге, помимо работы по своей специальности, большое внимание уделялось участию в различных кружках и развитию художественной самодеятельности.

Нередко к нам в гости приезжали известные люди нашей страны. Подробно и документально точно рассказывает о работе на «Малой Кагановической» Е. Л. Харитонов в своей книге «Парк юности нашей». Я же, полагаясь на свою память, больше описывало то, чему был самым свидетелем.

Запомнилась встреча с известным композитором Дмитрием Яковлевичем Покрассом (композиторами были два брата — Дмитрий и Даниил). Они были авторами песен «Марш Буденного», («Москва майская») «Если завтра война». Мы знали эти песни и совершенно не задумывались, кто автор замечательной музыки. И вот он стоит перед нами, человек с крупными чертами лица. Он как-то весело говорит о музыке нам, мальчишкам и девочкам, окружившим его, о Москве, и мы вместе напеваем: «Утро красит нежным цветом стены древнего Кремля». Не спеша провожаем его к городской гостинице. Какой-то «очкарик» — старшеклассник вдруг спрашивает у композитора: «А почему вы не пишете музыку на стихи известного поэта Владимира Маяковского?».

Покрасс на минуту задумался, мне показалось — даже растерялся, а потом ответил: «На его стихи музыку писать не просто, но над вашим вопросом, юноша, я подумаю».

Был у нас в гостях и популярный киноартист Николай Крючков — человек молодой, энергичный, с открытым лицом. Мы, конечно, смотрели кинофильмы с его участием: «Трактористы», «Свинарка и пастух», «Парень из нашего города». Он нам рассказывал что-то веселое и смешное. Хорошо помню, как он вдруг подмигнул нам и загадочно сказал: «А парк у вас замечательный, — густой, зеленый. Он особенно хорош для молодежи».

Самодеятельность детской железной дороги становилась известной в городе. Хороший хор, ребята танцевали русские и украинские народные танцы, выступали чтецы-декламаторы, иногда и со своими стихами. Среди юных железнодорожников было немало начинающих поэтов, например, Гутман, старшеклассник. Мне нравились его стихи. О железной дороге он написал даже поэму. Он почему-то меня избрал своим постоянным слушателем и однажды я задумался: «А не попробовать ли и мне самому написать стихотворение?» И вот этот первый в жизни стих крепко запомнился.

*Маленький Шурик книжку читал
О том, как на флоте служил капитан,
О том, как с врагами он дрался в бою,
О том, как за Родину пал он свою.
И маленький Шурик прочел и сказал:
Я вырасту — буду герой-капитан.
Пойду на линкоре по глади морей
Стеречь рубежи отчизны своей.
И враг ненавистный нигде не пройдет —
Его не пропустит Советский наш флот!*

Это, так называемое стихотворение, было напечатано в газете, которая называлась «Питомцы Кагановича». На меня эти наивные беспомощные стишата так и веяли героикой гражданской войны. По этим стихам можно судить, какими идеалами жило наше поколение.

Отец мой посмотрел эту газету, повертел ее в руках, прочитал мои стихи, удивленно посмотрел на меня и спросил: «Ты сам сочинил это?». И, получив утвердительный ответ, добавил: «Стихи — это слова. А тебе нужно учиться какому-нибудь ремеслу, а не в игрушки играть (такой он, видимо, считал мою работу на детской железной дороге). Вот стал бы ты столяром или слесарем — всегда бы имел кусок хлеба. А если уж стихи пишешь, отнеси их лучше в газету «Радянский степ». Там за них хоть деньги заплатят».

Прошло какое-то время, и я «созрел» до следующего стихотворения. Написал его и с замиранием сердца отнес в редакцию газеты по улице Карла Маркса. К моему удивлению, его у меня приняли, быстро напечатали, проиллюстрировав интересными рисунками. Запомнился последний из них: куцеравый мальчик от досады чешет затылок и сокрушается, что он еще мал, а рядом с ним с глупыми добрыми глазами лопухая дворняга.

Мне за эти стихи действительно заплатили 25 рублей, по тому времени немалые деньги, которые я, по совету родителей, положил на сберкнижку.

Хотя по качеству эти стихи были примерно такими, как и предыдущие, но я ими очень гордился и запомнил на всю жизнь.

*Молоко Мишутка пил.
На полу Барбосик выл.
— Эх, Барбосик, верный пес,
Белы лапки, черный нос.
Я немного подрасту,
В пограничники пойду
И тебя возьму к себе,
Помогать ты будешь мне.
Вот в дозор с тобой идем,
Я с наганом и ружьем.
Насторожился вдруг ты:
Чьи-то слышатся шаги.
Подобрались мы поближе,
Опустились к земле ниже.
Вдруг мы видим: в трех шагах
По земле крадется враг.
Чуть поднялись мы с тобой,
Я вскочил и крикнул: «Стой!»
Руки вверх поднял итион,
Но бежать задумал он.
Но не страшен нам побег —
Мы с тобой задержим всех.
Ух, тогда б я воевал,
Только жалко: еще мал!*

И в этих наивных детских стихах страстное желание ребят моего поколения служить на границе, стеречь рубежи нашей Родины, быть ее верным защитником.

Вот с такими стихами я выступал в составе детской художественной самодеятельности железной дороги. И мне еще аплодировали и наградили грамотой.

Между тем работа на детской железной дороге продолжалась. Я уже изучил азбуку Морзе, передавал «срочные» сообщения со станции «Пионерская» на станцию Павлика Морозова.

Как-то разнеслась весть, что делегация ребят из «Малой Сталинской», что в Днепропетровске, уже побывала в Москве. Ее там принимали члены правительства и сам И. В. Сталин. И все ребята были награждены ручными именными часами.

...А ручные часы в то время была желанная, почти несбыточная редкость, о чем только можно было мечтать.

Помню, брату моему, отлично закончившему седьмой класс, отец подарил часы Кировского завода. Они были карманные, большие и плоские, но показывали точное время. Решили переделать их на ручные. Отец сдал их в какую-то артель, где мастер припаял еще одну дужку для ремешка. По этому случаю в семье устроили настоящий праздник!

А шестнадцатилетний брат в первое время чуть ли не спал с часами на руке. Он ежеминутно поднимал рукав рубашки и смотрел на часы. Если даже его не спрашивали, он сам говорил, сколько сейчас «точного времени».

А мы, ребята с «Малой Кагановической», тоже мечтали побывать в Москве. Как будто начали уже составлять списки счастливиц.

Точного состава нашей делегации никто не знал, но уже многие юные железнодорожники мысленно примеряли часы на своей руке. Поговаривали, что такая поездка скорее всего состоится летом 1941 года...

А предвоенная жизнь продолжалась. Ребята нашего класса, а вернее — четыре человека, уже давно замыслили пойти в поход по окрестностям Мелитополя. Уже обсуждали маршрут предстоящего пути, собирали необходимое снаряжение и продукты питания. Участники похода — Яшка Грудиновкер, Федя Гуренко, Славик Чередниченко и я.

«Теоретиком» нашего похода был, конечно, Яшка. На чистый лист бумаги он наносил наш маршрут, отмечал возможные места привалов и вычислял необходимое время пути.

Идти решили от Песчаного на Данило-Ивановку, которая в 12 километрах от города. Не помню, верно ли, но вначале мы должны были пройти совхоз «Садовый». Подсчитали, что

путь к Данило-Ивановке и обратно займет весь день. А продуктов запасли дня на три. «Мало ли что может случиться во время похода», — говорил предусмотрительный Яшка. Думали и о питьевой воде. Яшка же, знаток физики, предложил несколько поллитровых бутылок оклеить белой бумагой, чтобы вода не так быстро нагревалась на солнце.

В один из теплых майских дней мы, четверо одноклассников, зашагали по еще спавшему городу через Песчаное в сторону Данило-Ивановки.

Нам, как настоящим путешественникам, очень хотелось, чтобы во время пути с нами случилось какое-нибудь увлекательное происшествие, чтобы мы преодолевали какие-то препятствия. Но ничего подобного не было. Мы шли по ровной пыльной дороге, вокруг несчастные деревья, а вверху безоблачное голубое небо.

Короткие привалы мы делали на обочине проселочной дороги.

Где-то в стороне лаяли собаки. По дороге проехали скрипучие телеги, видимо, в город на базар, а вокруг щебетали и порхали птицы.

Опустошив намеченную заранее часть своего продуктового запаса, мы двинулись дальше. Только недавно отцвела черешня, завязывались плоды и на других фруктовых деревьях. Мы полной грудью вдыхали аромат свежего утреннего воздуха.

На поле росли какие-то злаки, но мы не могли отличить рожь от пшеницы, овес от ячменя, хотя хорошо понимали, что «булки на деревьях не растут». Пили по несколько глотков воды, но не столько пили, сколько смачивали горло, как нам настоятельно советовал Яшка. И вообще, воду пили во все не потому, что нас мучила жажда, а скорее потому, что так «положено» во время путешествий.

Спустились в какую-то балочку, через которую протекал неширокий ручей. Легко перепрыгнули через него. Спросили у какого-то дядьки, далеко ли отсюда до Данило-Ивановки. Тот с интересом посмотрел на нас, спросил, не из города

ли мы и, не дождавшись нашего ответа, добавил: «А до села осталось версты четыре». Тут же посчитали, что это около пяти километров и весело двинулись дальше.

Видимо, мы не очень спешили, потому что к селу подошли только тогда, когда солнце поднималось к полудню, и нам стало по-летнему жарко.

Но раздеваться нам «не стоит», как сказал тот же Яшка, во-первых, чтобы не простудить вспотевшее тело, а, во-вторых, чтобы оно не обгорело под жаркими лучами солнца.

И все-таки «происшествие» во время нашего похода произошло. Конечно, не такое, о котором мы мечтали. Случилось уж очень прозаическое дело. От Яшкиных парусиновых туфель, которые он уже давно не чистил, и служили они ему, чтобы «бегать по улице», отвалилась подошва. Некоторое время он еще шлепал, не желая отстать от нас, затем вынужден был снять туфли и остаток пути идти босиком. Он даже пытался раззадорить нас, чтобы и мы шли босиком, так как «приятно босой ногой ступать по теплой земле». А Федя ответил ему: «Нема дурных. Твой фокус не удался. Вот натрешь ноги, тогда и узнаешь, как приятно ходить босиком да еще и с непривычки».

В Данило-Ивановке мы встретили ребят, своих сверстников, они так же, как дядька, вначале удивленно посмотрели на нас, городских, хихикнули пару раз, но разошлись мы мирно.

С непривычки (все-таки, считай, двадцать пять километров), порядочно уставшие, но довольные собой, завершив свой поход, мы разошлись по домам.

В начале июня я успешно сдал экзамены за шестой класс. Как быть дальше? Мать моя настаивала, чтобы я продолжил учебу в седьмом классе, а после окончил десятилетку: «Мальчик отлично учится, и будет грех прервать его учебу из-за твоих идиотских замыслов», — зло бросала она отцу, который считал, что и семи классов для меня будет вполне достаточно, чтобы стать человеком, отец настаивал, чтобы

я после семилетки шел в ремесленное училище, выучился на токаря или слесаря, получил рабочую специальность и на всю жизнь обеспечил себе возможность «всегда иметь кусок хлеба». Я больше соглашался с матерью. Семь классов нужно закончить обязательно. Но и в «ремеслухе» мне нравилась их серая форма, дружный строй, когда они маршировали по улице мимо нашего дома. Но меня сверлила безответная мысль: «А как же я буду без школы, без своих друзей и учителей?»

Да и природная страсть узнавать что-то новое, «разные науки» — все это было за продолжение учебы в школе. И я стал учеником седьмого класса седьмой школы. И брат мой хорошо закончил десятый класс первой школы.

Глава X

Город — сад. После летних дождей. Война. Военкомат. Город, полный забот и тревог. Почему мы отступаем?

Любил я наш Мелитополь ранней весной. Особенно если она была дружной и теплой. По всему городу, особенно на Песчаной и Красной горке цветут сады и деревья стоят в белом наряде. Сплошная белая кипень! Нежные белые цветочки-лепесточки, исцелованные трудягами-пчелами, излучают аромат просыпающихся после зимней спячки деревьев, и дрожат эти лепесточки от прикосновения пчел, и весь сад, как живой, пробуждается от пчелиного гуда.

А если нет ветра, чуть-чуть трепещущие листочки призывно пахнут, и будоражат в ожидании чего-то таинственного и приятного.

А летом?! В июне-июле месяце стоят фруктовые деревья, полные достоинства, растопырив свои узловатые ветки, отягощенные плодами. Если это черешня, то величиной чуть ли не с грецкий орех, а сливы, абрикосы, яблони, груши — размером от маленького кулачка до детской головки.

Но не только величиной славились и поражали мелитопольские фрукты, а своим неповторимым изумительным вкусом.

И стоят эти полновесные фруктовые деревья, словно просят: «Ну, облегчите наши радостные страдания, освободите нас от плодов, почувствуйте необыкновенную радость и удовольствие».

И каждое лето мы втроем — наша мать, старший брат и я — в саду каких-нибудь знакомых на Красной горке, которые буквально нас упрашивали, помогали убрать урожай. «А себе берите, сколько унесете задаром», — молили они.

Наломавшись на деревьях, где нужно подниматься по веткам и опускаться вниз, прижиматься к дереву и выпрямлять-

ся, отбирая из лучших еще лучшие плоды, утомленные этой нелегкой работой (на ветках, конечно, мы с братом, а мать под деревом), мы отдыхаем здесь же, в этом благоухающем саду. Слушаем пение всевозможных птиц, подставляем свое разгоряченное тело ласковому ветерку.

Затем с полными ведрами, меняя руки, чтобы легче было нести, через весь город тащим домой эту тяжелую благодать.

Проходит час-полтора, а может быть, и больше. Если это выходной день, то нас встречает отец, который по состоянию здоровья не может собирать и нести фрукты. Но здесь, в нашем дворе, он из кирпичей уже подготовил печь, на которой наша мать, едва отдышавшись, в медном тазу будет колдовать над этими фруктами. Их не нужно перебирать и сортировать, все уже сделано еще в саду. У печи мать — непревзойденный мастер. Отец стоит в сторонке и не вмешивается в ее священнодействие. Он лишь покрывает от удовольствия. Иногда даже, с разрешения матери, помещивает кипящие в медном тазике фрукты. Вскоре они превратятся в чудесное повидло или великолепное варенье — неизменную начинку наших школьных завтраков. Оно же подается к чаю в семье и нередким нашим гостям.

Иногда за лето мы делаем по две-три такие вылазки. Затраченный труд вполне окупается. А наши родители думают, как отблагодарить щедрых хозяев садов. И всегда что-то придумывают. Чаще всего мать для них что-то шьет или перешивает.

А еще я любил наш город после летних дождей. В иной летний день от грома и молний разверзнутся небеса, и на землю льет, как из ведра, теплый дождь, вернее настоящий ливень.

Где-то вверху города, в районе парка или еще выше, собирается масса воды и широкими полноводными ручьями устремляется вниз, на наши улицы до самого дома Ардиревича и в клокочущую реку Молочную.

А мы, мальчишки и девчонки, с задранными до колен штанами и подоткнутыми юбками, шлепаем босыми ногами по теплым и ласковым лужам.

Пускаем бумажные кораблики и бежим рядом с ручьем,

следа, куда плывет наш корабль и чей дольше: мой, Пац Ковалова или Яшки, который в такие дни обязательно с нами.

Вдоль дороги бегут полноводные ручьи, а город, как умытый, стал еще чище и моложе.

Хотя в предвоенные годы мы с упоением распевали: «Если завтра война, если завтра в поход, будь сегодня к походу готов» или «Несокрушимая и легендарная, в боях познавшая радость побед» война обрушилась на нас внезапно. Несмотря на героическое сопротивление пограничников, в первые месяцы войны мы познали горечь поражений.

Как же так? Ведь готовились к войне, повсеместно говорили о приближающейся фашистской угрозе, все чувствовали, что война вот-вот может начаться, а она грянула неожиданно.

О начале войны я узнал в Геническе, куда ездила с концертом бригада художественной самодеятельности детской железной дороги.

Возвращались домой ночью, наш паровоз двигался медленно и уже с затененными фарами. Подъехали к едва освещенной станции Мелитополь. В городе была объявлена светомаскировка, так как уже рано утром 22 июня немцы бомбили Киев и Севастополь.

Уличные фонари или вообще не горели, а если кое-где и освещали улицу, то горели они в полнакала.

Все жилые дома и общественные здания города по вечерам были с затененными окнами. Наш отец был строг: мы должны были закрывать окна старыми одеялами да так, чтобы ни один лучик света не проникал наружу. Он даже добровольно следил, чтобы и соседи строго соблюдали эти новшества военного времени.

Даже говорили, что военные патрули, которым вменялось в обязанность проверять соблюдение светомаскировки, имели приказ стрелять по окнам нарушителей. Но я не знал ни одного случая, чтобы они применяли оружие.

И хотя война в первые месяцы была еще где-то «там», мы уже начали оклеивать окна бумагой крест-накрест. Говори-

ли, что если будут бомбить, то это предотвратит выпадение стекол от взрывной волны.

И по вечерам, и поздно ночью наш город с зашторенными окнами и погасшими фонарями казался вымершим.

А буквально 23 или 24 июня, как только отшумели выпускные вечера в школах, к нам пришла повестка из военкомата, что моему брату надлежит явиться с вещами и соответствующими документами в такую-то комнату.

В тот день городской военкомат, который размещался в нижней части города, был заполнен до отказа. Справа возле одного из подъездов военкомата вразброд стояли сотни полторы вчерашних десятиклассников. Родители, родственники или просто знакомые пришли их провожать и тоже стояли в толпе.

Из вещевых мешков новобранцев то и дело вываливались неумело уложенные ложки и кружки. Ребята переминались с ноги на ногу и не знали, что им делать. Из помещения пока никто не выходил и ничего не разъяснял. К своим детям суетливо прижимались их родители и родственники.

А с левой стороны здания, у третьего подъезда военкомата, стояла длинная густая очередь не только молодых, но и уже «в возрасте» людей. Это были добровольцы, которые шумно выражали свое нетерпение. Они рвались на фронт и требовали, чтобы им немедленно выдали оружие бить фашистов. Среди них немало было и «очкариков», хромых и с явными признаками разных болезней. И неясно было, как эти люди собираются воевать?

И выпускники школ тоже были настроены по-боевому. Несмотря на некоторую растерянность, они почему-то не сомневались, что их сразу пошлют на фронт, где они смогут совершать подвиги.

Теперь можно удивляться их наивности, но она вовсе не исключала истинного патриотизма, готовности умереть за свою Родину.

Рядом с братом стоял сын Черняков — Лазарь, крупный крепкий парень. А отец мой почему-то вполголоса разговаривал с дядей Гавриилом, отцом Лазаря и своим другом и

при этом беспрерывно курил свои папиросы-гвоздики. Будто бы что-то вспоминая, он несколько раз подходил к моему брату и говорил ему что-то наставительно. Мать и тетя Соня тихонько всхлипывали, что вызывало недовольство моего отца — «старого солдата».

Ругая работников военкомата за неорганизованность, люди говорили, что завтра народу будет еще больше, так как придут люди призывного возраста.

Наконец, из здания вышел лейтенант с двумя кубиками в петлицах, а с ним два младших командира. Лейтенант что-то громко объявил, и его помощники стали оттеснять родственников от новобранцев-выпускников школ. Лейтенант сказал родственникам, чтобы они прощались с ребятами и не мешали их построить.

Ко мне подошел брат, снял со своей руки часы: «Держи», — как бы приказывая, сказал брат, — старайся сохранить их до конца войны, я думаю — это будет скоро». (Но так случилось, что на второй год войны мы вынуждены были их продать, чтобы купить дорогие лекарства, совершенно необходимые матери после сложной операции).

Гудящая толпа слегка утомилась и закончила неумело прощаться с родными. Женщины громко заплакали. Отец отвернулся, но я заметил, как по его морщинистым щекам текут слезы.

Лейтенант вместе с младшими командирами кое-как построили ребят в колонну по четыре, и новобранцы, сбиваясь с ног, нестройно зашагали во дворик, рядом со зданием военкомата. А дальше случилось вот что: дней через пять мой брат пришел домой со сбитыми в кровь ногами. Он и его товарищи за двое суток пешего строя пришли в Бердянск, где не готовы были к их приему и их отправили назад. Домой они шагали еще двое суток. Неделю мать смазывала его ноги гусиным жиром и какими-то мазями, пока раны затвердели и можно было на ноги одевать обувь. Теперь ребят вновь призвали и отправили уже надолго. Наши мелитопольцы были направлены в Краснодарское минометное училище, где

обучались по сокращенной программе, и вскоре после окончания училища их всех послали на Юго-Западный фронт.

...А в городе потекли дни за днями, полные забот, тревог, ожидания вестей с фронта.

Опустел городской бульвар, городские парки. Умолкли духовые оркестры. Прекратились и коллективные обеды наших мужчин. Но старики после работы собирались на несколько минут, чтобы обсудить фронтовые успехи, вернее — неуспехи. И строили свои «стратегические» предположения. Долго рассуждать о делах на фронте у них не было ни сил, ни желания.

Исаак Ляд по причине своей близорукости призыву в армию не подлежал. Он горячо доказывал, что еще немного и немцы «сдохнут». Даже мой отец, скептик по натуре, тоже утверждал, что так дальше быть не может. Мол, им, немцам, здорово набили морду наши пограничники, а с такими большими потерями им скоро будет не до наступления.

Ну, и что такого, что врагам удалось захватить прибалтийские наши республики и Минск. Фашисты не ходят пешком, а прут на танках, — добавлял он.

— Но немцы уже под Одессой, — с тревогой вступал в разговор наш старый Марк Владимирович.

— Моряки, — не очень уверенно заметил отец, — не сдадут Одессу.

И мы, школьники, собираясь вместе, горячо обсуждали дела на фронте.

Яшка Грудиновкер утверждал и его поддерживал Федя, что фашисты не могут наступать бесконечно, что впереди у них река Днепр, мощная водная преграда. Кто же даст его форсировать? Здесь немцы непременно сломают себе ноги. Он даже хотел поспорить, но никто спорить с ним не стал. Нам всем страстно хотелось, чтобы случилось именно так, как утверждал Яшка.

А немцы уже маршировали по Смоленщине и нацелились на Киев.

Мы верили прославленным героям гражданской войны, своим кумирам — наркому Климу Ворошилову, маршалу Бу-

денному. Знали и о волевом командире маршале Советского Союза Тимошенко.

Они же одерживали блестящие победы в гражданскую войну и теперь должны нанести сокрушительные поражения немецко-фашистским войскам. Ведь во главе нашей страны стоит великий и мудрый Сталин.

Но пока наша армия терпела поражение за поражением. Мы, конечно, верили сообщениям о том, что немцы несут огромные потери, что будет и «на нашей улице праздник», как говорил товарищ Сталин. Мы и предполагать не могли, что не меньшие потери и в наших войсках, что уже тысячи наших солдат и командиров попали в фашистский плен.

И мы, мальчишки, уже не устраивали шумных игр, а если разок удавалось наскоро сыграть в футбол, то бегали «по полю», понунив голову, без особого азарта. Не до того было... Все рассуждали о войне. Только и слышно было:

— Фашисты пользуются тем, что у них преимущество в технике.

— Вот подождите, еще поднимет голову немецкий рабочий класс.

— Да и фашистские войска, — наивно думали мы, — в своей массе состоят из рабочих и крестьян, и они должны же переходить на нашу сторону.

А Павлик связывал наши надежды с доблестной конницей. «Еще не ввели в бой наши конные массы», — явно с чужих слов говорил он. Еще помчатся «лихие тачанки». Вот увидите, уверял он нас, а скорее — себя, скоро наступит перелом в войне.

А он, этот перелом, да еще в нашу пользу, все не наступал.

Как сообщал диктор Левитан по радио, ожесточенные бои уже разгорелись на киевском направлении и в районе Одессы. Да и на других фронтах было не лучше. В центре огромные силы фашистских войск рвались к Москве.

В один из жарких июльских дней по нашей улице вверх, говорили, что в район водочного завода, направлялась боль-

с головы шляпа, очки оказались на носу, а галстук съехал куда-то в сторону.

Мне нестерпимо жалко стало этого несчастного человека, и я заслонил его своим телом. Люди как-то встрепенулись, опомнились.

«Тебе бы только лупить кого-нибудь, без мордобоя прожить не можешь», — закричала на Исаака старуха Нафтулина, взяла «вора» за руку и вывела его из толпы. Потом она рассказывала, как жадно хлебал он баланду из крапивы. Ел и плакал. Он оказался доцентом. Я тогда, конечно, не понимал значения этого слова. Кто-то сказал, что доцент — это значит интеллигент, хотя от этого мне это слово не стало понятнее.

Я соврал родителям, что замок не закрыл на ключ, не столько оправдываясь сам, сколько оправдывая вора. А отощавший от голода Исаак оправдывался, что не «дал» вору как следует, потому что ему помешали соседи.

Заканчивая разговор о голоде, с позиций сегодняшнего дня, а «большое видится на расстоянии», я думаю, что все-таки правильнее не называть голод голодомором, ведь сознательного умерщвления людей не было, а голод породили несколько, может быть, фатальных обстоятельств. Лето 1932–1933 годов было катастрофически засушливым. Выплата наших поставок хлеба другим странам была настолько обязательной, что руководство страны ни с чем не считалось. Важнее им казалась индустриализация страны, во имя этой цели они обрекли на голод, страдания и смерть миллионы людей. Но никакой избирательности по национальному признаку не было и в помине. Голодная смерть косила всех без разбора.

Глава XI

Немцы бомбят Мелитополь. Начало эвакуации. Ехать — не ехать? Воздушный бой. Прощай, школа. Расставание с друзьями. Последний эшелон. Кое-что о героях этой книги.

Хотя фронт от нас был еще далеко, немецкие самолеты уже бомбили наш город. Вернее — не центр города, а район Нового Мелитополя, где располагался аэродром и рядом был вокзал. А станция Мелитополь — узловая.

Но все-таки несколько бомб попало и в центр. Одна из небольших бомб упала вблизи госпиталя, в здании повывали стекла и были какие-то разрушения. А госпиталь находился недалеко от нашего дома. Потом немецкие самолеты бомбили городскую электростанцию.

Городские власти издали распоряжение, в котором категорически было предписано, чтобы жители каждого двора рыли щели, которые во время бомбежек могли бы спасти людей от осколков авиационных бомб.

И наши мужчины, особенно Исаак Ляд и мой отец, весь раненный и больной, много часов в день неистово рыли эту «проклятую» щель. Конечно, помогали и другие мужчины, и даже я. И получилась у нас «образцовая» щель. Метров 12–14 в длину, полметра в ширину и в человеческий рост в глубину.

Вгрызаясь лопатой в землю, отец проклинал и немцев и нашу власть, которая издает такие нелепые распоряжения. «Если бомба попадет, то никакая щель не поможет», — говорил он.

А мой дядя, старший брат отца и муж тети Лины, «обследовал» нашу щель, восторгался работой отца и Ляда и попросился некоторое время пожить у нас. Жили они в районе

электростанции. «У вас рядом зеленый массив (он имел ввиду парк) и немцам здесь делать нечего». Пару раз ему (все его три сына уже были в армии) во время воздушной тревоги пришлось просидеть в нашей щели.

В городе заговорили об эвакуации населения. Правда, вначале эвакуировали на восток наиболее ценное оборудование заводов и фабрик и специалистов, сопровождавших это оборудование. А у каждого из них — семья.

Вот и пошли эшелоны на восток. В товарных вагонах — оборудование, а в пассажирских — семьи.

Потом в районе Каховки немцы прорвали фронт. В городе началась паника. Сотни, а может быть, и тысячи семей на подводах, запряженных не лучшими лошадьми, а такими, каких не «призвали» в армию, тронулись в неведомую дорогу. Но они успели загрузить узлами, корзинами, чемоданами, продуктами — всем, чем могли, свои подводы. Кто-то ехал через Донбасс на Волгу, другие аж за Урал, некоторые — в южные республики нашей страны.

Отец мой таких людей считал «паникерами», хотя все они получили разрешение на эвакуацию. Для каждой эвакуированной семьи артель «Трудспайка» выделяла подводы и лошадей и даже арендовала транспорт в ближайших колхозах и совхозах.

Среди населения только и разговоров: ехать или не ехать. Отец мой вначале категорически возражал против выезда из Мелитополя.

— Куда мы поедem, к кому, кто нас где ждет, — обычно запальчиво говорил он.

— Но ты же слышишь по радио и читаешь в газетах, какие зверства творят фашисты на оккупированных территориях, — возражала мать.

— Все это пропаганда военного времени, — раздраженно выкрикивал он. — Немцы — это культурная нация. Может быть, где-то и были случаи мародерства и жестокого отношения к населению, но это же война.

— Но они же издеваются и над военнопленными и мирным населением, — подключался к спору и я, показывая отцу свежую газету.

— Что ты в этом понимаешь, — уже зло бросал он мне. — Во время империалистической войны я два года пробыл в плену в Австрии. И меня даже лечили.

Но, не сумев переспорить нас с матерью, он с досадой сплевывал и выбегал из комнаты.

Хотя прорыв фронта в районе Каховки и был ликвидирован, эвакуация из Мелитополя шла полным ходом.

В вагоне начсостава выехал из города Федя с семьей. Мы даже не успели попрощаться. На одной из последних подвод «Трумпайки» город покинула семья Герасунов. Все три старших брата Павлика были на фронте, а он с сестрой и родителями выехал куда-то далеко на восток. Жалко и больно было расставаться с таким другом.

А однажды под вечер пришел прощаться Яшка.

— Завтра утром мы выезжаем. Отец говорит «куда-то за Волгу». Вот принес тебе на хранение шахматы. Храни, друг! Вы остаетесь и, может быть, они у вас будут в большей сохранности.

— Наивная душа! А шахматы в их семье были особыми. Внешне простые — деревянные со свинчаткой внутри. Но принадлежали они какому-то родственнику Грудиновкерев, дореволюционному чемпиону Петрограда. Тот дожил до девяносто пяти лет и завещал их почему-то Яшке.

Сколько сотен партий сыграли мы этими знаменитыми шахматами! Как Яшка гордился ими! Посидели с другом молча. Да и о чем было говорить, когда все уже было переговорено и, откровенно говоря, хотелось плакать.

Организация, в которой работал мой отец, прекратила свое существование, и отец непривычно целые дни проводил дома, где чуть ли не ежеминутно происходили его перепалки с матерью и со мной. Я во всем соглашался с матерью. А отец ходил по комнате и раздраженно не говорил, а бросал слова:

— Ну куда я поеду и зачем? Я в Мелитополе родился, и мои родители здесь жили много лет. А кто меня и мою семью ждет

за Волгой? Может быть, ты еще намерена спрятаться за Урал? — желчно выкрикивал он. И на наши возражения отвечал:

— Ну, кто я такой? Руководитель, начальник? Зачем я сдаюсь немцам? Кому я нужен? Я простой ремесленник и на кусок хлеба для своей семьи всегда заработаю.

Был только один «убийственный» аргумент, на который отец не находил ответа. Например, я говорил и мать меня горячо поддерживала:

— Вот здесь ты будешь работать на немцев, а твой старший сын, «надежда семьи», как ты не раз говорил, на фронте воюет против немцев. И как ты собираешься с ним переписываться? Или тебя не интересует его судьба, — добавляла мать. Он замолкал, но выбегал из комнаты. Его душевные переживания усиливались тем, что все его друзья и наши соседи уже выехали из Мелитополя.

Теперь почти ежедневно по радио объявляли: «Граждане, воздушная тревога! Воздушная тревога! Всему населению предлагается немедленно уйти в укрытие. Не оставляйте без присмотра детей».

И все мы, подростки, к великому нашему неудовольствию, уходили в нашу «образцовую» щель.

В один ясный летний день, когда небо было голубое-голубое и ласково светило солнце, по радио внезапно объявили: «Воздушная тревога. Воздушная тревога!». Мы, даже не успев позавтракать, нехотя поплелись в свою щель. Посидели там минут пять-десять и уже хотели, не дожидаясь отбоя воздушной тревоги, отправиться и доедать свой завтрак.

В это время послышался надсадный гул тяжелых «Юнкерсов». (Мы уже научились по звукам определять, летит ли это истребитель «Мессершмит» или бомбардировщик «Юнкерс». Могли распознать и самолет-разведчик «Фок-Вульф» и безошибочно узнавали изредка появляющиеся в небе наши ястребки — И-15 или И-16).

Из-за легкой тучки медленно выплыло несколько «Юнкерсов» и где-то в районе станции сбросили бомбы. От их уха-

ня после разрыва бомб, мы невольно сжимались в своей щели и приседали как можно ниже.

Немецкие самолеты, сбросив свой смертоносный груз, видимо, намеревались улететь, но сверху неожиданно выпрыгнул наш истребитель И-16 (с убирающимися шасси) и рассек строй немецких самолетов. Два бомбардировщика уже скрылись за горизонтом, а один продолжал нахально летать над городом.

Мы повысовывались из щели и с тревогой смотрели вверх. Наш истребитель то налетал на «фрица» сверху, то заходил на него сбоку, и слышны были короткие пулеметные очереди, которые истребитель выпускал по фашистскому самолету. В один из таких заходов «ишачок» прострочил «Юнкерс», и тот отчаянно задымил.

Шлейф дыма от горящего самолета простерся почти в полнеба, и все мы, обитатели щели, с ликованием захлопали в ладоши и радостно закричали во весь голос. Даже утримый и раздражительный в эти дни отец запричитал:

— Ага, мерзавец, ага, сволочь, долетался! Кто тебя к нам звал?

Нашему восторгу не было предела. Люди подпрыгивали в щели, а мы с Надькой и еще два папана, «гости» нашей щели, забыв наставления и предупреждения взрослых, вообще выпрыгнули из щели и дико выплывали на земле.

В это же время в небе показались два «Мессершмита». Сперва они летели на большой высоте, но затем резко нырнули вниз и стали преследовать наш «ишачок».

То ли наш истребитель расстрелял весь свой боезапас, но хорошо видно было, как он старался уйти от наседавших на него «Мессеров». То он нырял вниз, то взмывал вверх, то делал резкие развороты. И, казалось, вот-вот уйдет он от своих преследователей, но один из «Мессеров» выпустил по нашему самолету несколько очередей.

Все мы, затаив дыхание, смотрели, как наш самолет уходил от своих преследователей, но вдруг задымил. Летчик, видимо, хотел увести свой самолет подальше от города. Машина стремительно теряла высоту и рухнула где-то в районе Нового Мелитополя.

В эти мгновения все мы, а наши сердца бились в унисон, разом заплакали и зарыдали. Женщины, мужчины, подростки рыдали и не вытирали слез.

А город пустел на глазах. Днем и ночью уходили на восток эшелоны с эвакуированными, станками и оборудованием заводов и фабрик. На восток выехало и несколько тысяч подвод.

Отец после переживаний за гибель нашего самолета во время воздушного боя, за которым он наблюдал из щели и плакал громче всех, проклиная Гитлера и его свору, на несколько дней как-то замкнулся. То безвылазно сидел дома, то куда-то исчезал.

Однажды вечером, когда мы с матерью с тревогой ожидали его возвращения и не понимали, «где его черти носят», как причитала мать, послышалось знакомое шарканье отца. Он стремительно зашел в дом, хромя больше обычного, и заговорил, как человек, принявший важное решение.

— Все. Мы не «паникеры». Сидим в городе до последнего.

Уже уехали все родственники, сослуживцы и многие хорошие знакомые. Даже Вениамин, после направления Лины на фронт тоже уехал. Как он будет жить один, если дети и жена на фронте?

Только еще Черняки остались. Он переговорил с Гавриилом, и они, мужчины, теперь твердо решили, что надо ехать. Но это тоже не просто. Нужно выправить необходимые документы. Но отец сказал нам, что расшибется, а достанет все, что надо.

— Вы, — он обвел нас с матерью строгим взглядом, — пакуйте самые необходимые вещи. Разрешают брать с собой по два небольших места на человека. Значит нам — шесть. А я буду добывать документы.

Перед отъездом я решил зайти в свою школу. Даже вернее не решил, а ноги сами привели меня к знакомому до боли зданию.

Я тихо ступал по гулким пустым коридорам. Поднялся на второй этаж. Вот и класс, в котором я учился последние два

года. Постоял у чуть приоткрытой двери, еле сдерживая дыхание. Тихонько открыл дверь, повел взглядом по большой комнате от задней стены до передней. Парты, окрашенные в черные цвет, выглядели как-то траурно.

Я подумал, что комната совсем пустая, но когда увидел за учительским столом сгорбившуюся и постаревшую Галину Дмитриевну, нашу учительницу русского языка и литературы, вздрогнул от неожиданности.

— Вы, — она так сказала, имея ввиду всю нашу семью, — еще не уехали? А пора бы уже. Чего сидите, чего ждете?

Я заметил, что она похудела, мелкие черты лица заострились, и сама она стала похожа на больного воробушка.

— А вы? — Почему-то шопотом спросил я.

— Мне ехать некуда и незачем. Я одна. А вы обязательно уезжайте. — И она устало махнула мне рукой.

Медленно, какими-то ватными ногами вышел я из школы, припал к косяку двери, и глаза мои стали мокрыми. О чем я думал — не помню.

Это потом, спустя десятилетия, я узнал, что такое школа, как своих пять пальцев. Она прикипела к моему сердцу, буквально вросла в него. И я могу судить о ее работе.

В самом слове «школа» было что-то трепетное и святое. Сюда когда-то пришли мы еще «желторотиками», «нолика-ми». Здесь нас учили не только читать, писать и считать, но и слушать и слышать, смотреть и видеть, думать и понимать. Это здесь нас учили дружить и любить свою Родину, беречь и приумножать ее богатства.

Скажу сразу — не все в работе советской школы было гладко и безоблачно. К сожалению, в ее работе были и «накипь», и «пена», и «шелуха» — назовите как угодно брак в работе педагогических коллективов, и этот брак в огромном деле исчислялся далеко не единицами. Но не он, этот брак, был главным и определяющим в работе советской школы.

За годы своего существования советская школа в тридцатые и последующие годы выпустила из своих стен миллионы будущих врачей, учителей, инженеров, агрономов, стро-

ителей, механизаторов, артистов, писателей, ученых, военачальников, «физиков» и «лириков», а главное — создателей, которые спустя годы строили фабрики и заводы, рудники и шахты, а в годы войны создали победоносную технику, которая позволила миллионам солдат, офицеров, генералам-героям и патриотам Родины, разбить наголову фашистские полчища и добиться подлинной свободы и независимости нашей страны.

Это выпускники советской школы строили крупнейшие в мире электростанции, осваивали необозримые целинные земли, прокладывали тысячекилометровый БАМ, первыми в мире прорвались в космос.

И в тридцатые, и в пятидесятые-восемидесятые годы, и теперь в непростые «до- и послеперестроечные» реформаторские годы школа вела и ведет борьбу за Человска с большой буквы, добивалась и добивается заметных успехов. Советской школой можно и должно гордиться.

Но в последние годы появились многочисленные «охранители» советского прошлого, которые с удовольствием «вместе с грязной водой выплескивают и ребенка». Они говорят, что советская школа растила неполноценных людей, подхалимов, неудачников, была подлинной тюрьмой для миллионов «свободных» людей.

Что это — бред, клевета или недомыслие? Скорее — всё это вместе взятое.

У меня за плечами полвека педагогического труда, и я с твердой уверенностью могу утверждать, что советская школа — это то, чем по праву может гордиться наше советское общество.

Дальнейшие важные рассуждения на эту тему уведут (боюсь, уже увели) далеко в сторону от разговора о Мелитополе, о созидательных, героических и драматических страницах истории.

Лишь в заключение этих рассуждений скажу, чуть перефразируя знаменитое изречение: «Какие времена — такие и нравы», но тут же и другое: «Каков поп, таков и приход».

А это значит, что от конкретных педагогических коллективов и особенно от их руководителей зависят и конкретные успехи каждой школы.

Узнав о том, что мы все-таки уезжаем, приходили прощаться с нами знакомые и малознакомые люди. Некоторые обнимались с матерью, вместе плакали и, к моему неудовольствию, как маленького, трепали меня по щекам. Они вспоминали вместе прожитые годы и желали нам доброго пути.

Пару раз к нам заглянули и совершенно незнакомые. Один из них — большой дядька. Он с каким-то вызовом посмотрел на мать, простриг и меня недобрый взглядом и хрипло спросил: «А когда вы будете дранать?»

Когда пришел отец и я ему описал внешность этого человека, отец, наморщив лоб, сказал: «Кажется, я этого типа знаю. Он с Песчаной. Когда-то проворовался и его выгнали из нашей артели».

Как-то без стука зашла к нам и пожилая женщина в пестром платке. Ее из наших никто не знал. Она сама сказала, что живет в районе Юровки, за вокзалом. «Вот решила прогуляться и заодно к вам заглянула». Она с любопытством и злорадством осмотрела нашу комнату. В глазах ее было видно явное разочарование. Она не сдержалась и велух сказала: «Вы, видать, здесь давно живете, а так ничего и не нажили. Лишь буфет да шкаф тухлявый. Разве что этажерка для книг из катушек забавная».

И каких только чудес на свете не бывает. Когда вскоре после освобождения Мелитополя я приехал в отпуск после окончания училища и попал в молодежную компанию где-то на Юровке, в комнате хозяйки я увидел знакомую до боли нашу этажерку с полками на катушках из-под ниток.

Уже был конец сентября. Говорили, что днями уезжает из города последний эшелон с эвакуированными. А мы все сидели дома. Наконец, 25 сентября 1941 года, когда из города действительно отправлялся последний эшелон с граждан-

скими лицами, отец и дядя Гавриил оформили необходимые документы на эвакуацию. Но попробуй уехать и вывезти положенные шесть мест, если вокзал находится в трех километрах от города!

Каким-то чудом отец нашел человека, который на бричке-одноконке согласился за «большие деньги» отвезти нас на вокзал.

Чертыхаясь и кляня меня и нашу мать за то, что мы «навязали черт знает какую тяжесть» он суетливо мотался от нашего полуподвала к воротам, где стояла бричка. Мы с матерью тоже немало вспотели пока наши вещи, уложенные и перевязанные, уместились на подводе. Ехали на вокзал не меньше часа, и отец волновался, что мы опоздаем к поезду.

На вокзале уже суетились с вещами, плачущими детьми, кричущими стариками и старухами сотни людей. В самой гуще стояли Черняки с четырьмя «местами». Дядя Гавриил нетерпеливо помахал нам рукой. Нам кое-как удалось протиснуться к нему и очутиться чуть ли не первыми среди людей, стоящих у вагона.

Пока грузились первые отъезжающие, еще существовал какой-то порядок. Но вот задние стали напирать на тех, кто был впереди, началась давка.

И в это время без объявления «воздушной тревоги» над стацией со страшным ревом на небольшой высоте пронеслось несколько немецких самолетов. Изготовились к бою и зенитные установки, расположенные тут же, на вокзале. Посыпались первые бомбы. Земля задрожала.

Люди стали разбегаться в разные стороны. Кто в заветные двери вагонов, кто под вагоны, а я и незнакомый долговязый мальчишка примерно моих лет после очередной пулеметной очереди, выпущенной фашистским летчиком, побежали, сами не зная куда, но очутились на привокзальном кладбище.

Я «укрылся» за каким-то кустиком, а мой товарищ по несчастью прыгнул в какую-то яму. Она оказалась свежесрытой могилой. Ее, видимо, приготовили для захоронения еще до бомбежки, и сейчас эти «похоронщики» где-то прячутся.

Ни один наш самолет не поднялся, чтобы отогнать фашистов, и зенитки стреляли безрезультатно.

Впрыгнуть в могилу папан сумел, а выбраться из нее ему никак не удавалось. Я ему протягивал руки, упирался ногами в землю. И кое-как нам удалась эта «операция».

Мы еще пару минут прислушивались к наступившей вдруг тишине, а потом бегом устремились к своему эшелону. «Как там родители? Живы ли? Небось, переживают за меня», — с тревогой думал я.

На перроне мы увидели свой состав, но без паровоза. Задний вагон горел, а два перед ним еще дымились.

Я начал искать «свой» вагон. Вокруг металась толпа, слышались стоны, крики и проклятия. На перроне оказалось много военных. Рядом с ними я увидел юркую фигурку моего отца. Он суетливо бегал от вагона к вагону и явно искал меня. Я подумал, когда он меня заметит, будет страшно ругаться. Но ничего подобного. Увидев меня, он страшно обрадовался. Неуклюже меня обнял, на ходу вытирая слезы. А мать радостно улыбалась, наблюдая за нами из окна вагона. Она делала нам знаки, чтобы мы быстрее заходили в вагон. Люди тревожно поглядывали на небо и кое-как размещались по своим местам.

Мы оказались в одном купе общего вагона с Черняками и еще двумя семьями. Начали неумело рассовывать свои вещи на верхние полки.

С дязгом прицепили паровоз к нашему составу, в котором было 20 вагонов. Все ждали отправления поезда. Мужчины еще вышли покурить, и я увязался за ними. Передо мной оказалось поврежденное от бомбежек здание вокзала. Вскоре его заслонил подошедший эшелон с военной техникой, закрытой брезентом. Этот состав направлялся на юг, в Крым.

А мы — эвакуированные — думали: «А куда мы едем? Что нас ждет на новом месте? Надолго ли покидаем Мелитополь?»

Проводница, грузная пожилая женщина, внимательно следила за сигналами, приготовив свой флажок. «По вагонам!», — наконец послышалась команда проводников. Мы поспешно зашли в свое купе.

Паровоз наш издал тонкий, прощальный гудок. Кто только мог — прильнул к окнам. Вот вагоны медленно поплыли мимо станции. Пожилые люди плакали и думали: «Что день грядущий нам готовит?». А пока: «Прощай, любимый город».

Ну, а что было дальше? К великому сожалению, война разбросала наш «образцово-показательный» класс кого куда. Некому, некогда, а может быть и незачем интересоваться дальнейшей судьбой каждого. Но кое-что и кое о ком я все-таки знаю и спешу рассказать.

ФЕДЯ ГУРЕНКО возвратился из эвакуации, наверное, раньше других. Закончил 10 классов и поступил в наш МИИМСХ. Успешно завершил учебу и был направлен на работу в Крым. Не знаю, чем он занимался вначале, но в середине 50-х годов он уже работал инструктором обкома партии. По тому времени очень удачная карьера. Дальше — больше. Через некоторое время его избрали первым секретарем Ленинского райкома партии в Крыму. Через несколько лет мы с ним случайно встретились. Федя уже работал начальником облсельхозтехники, должность очень солидная, хлопотная и ответственная. Изредка мы с ним встречались. Ко мне он был всегда внимателен, кое в чем помогал моей школе. Однажды встретил его, когда Федя был уже на пенсии. О «частной» жизни его знаю мало. Он был женат, имел двух дочерей.

Собирался переехать в Киев.

СЛАВИК ЧЕРЕДНИЧЕНКО. С ним виделся лишь однажды. У нас совпали отпуска, и мы оказались в одно время в Мелитополе. Я служил на военно-морском флоте, он — в танковых войсках. Не стовариваясь, встретились в школе, у Веры Дмитриевны. Она пригласила нас на урок, кажется, во второй класс. Мы все обрадовались встрече. Вера Дмитриевна уже не казалась нам «старой», а была молодежливой деятельной учительницей.

Мы со Славиком сидели на задней парте, смотрели на любопытных ребят, и перед нами проходило так быстро промелькнувшее детство. Больше мы с ним не встречались.

ТАМАРА ГОЛОХ. Мельком видел ее вскоре после войны на Мелитопольском железнодорожном вокзале. Она с младшей сестренкой и матерью торопливо шла к поезду. Меня или не заметила, или не узнала. От кого-то слышал, что ее отец погиб на фронте, что семья с трудом переживала это горе.

С ЛИДОЙ ЛОГВИНОВОЙ ни разу не виделся, но точно знаю, что она много лет работала на заводе Микояна. Через моего старшего брата, который после войны работал там же, мы друг другу передавали приветы, а я, каюсь, не интересовался ее жизнью. Мельком увидел ее в 1997 году, когда приезжал в Мелитополь на похороны своего брата. Но тогда было не до встречи, не до разговоров.

ПАВЛИК ГЕРАСУН — добрый, милейший человек, замечательный друг. Мне кажется, в жизни ему не повезло. Несмотря на свою словоохотливость, о себе говорил мало. В эвакуации работал на заводе. Окончил семь классов и какие-то курсы. Возвратился в Мелитополь, работал в отделе снабжения в типографии. С людьми умел наладить прекрасные отношения. Был очень внимательным и отзывчивым.

Во время моего отпуска, а затем и учебы в пединституте, буквально «опекал» меня и несмотря на все мои «отнекивания» помогал материально — «трешки» и «пятерки» так и совал мне в карман. Зная мою страсть к книгам и весьма ограниченную возможность в их приобретении, покупал все, что даже случайно попадало мне на глаза.

Стройный, очень красивый и щедрый по натуре он не был обделен женским вниманием. Несколько раз неудачно женился и детей не заимел.

Болезнь, но не лечился. Лет пятидесяти от роду «поймал» инсульт и скончался в больнице.

ЯША ГРУДИНОВКЕР — впоследствии Яков Иосифович Грудинов, — мой первый и закадычный друг. Расстались мы с ним в Мелитополе в 1943 году, а встретились только в 1951. В эвакуации он жил в городе Энгельсе на Волге, работал на заводе. В 1944 был призван в армию. Последние годы служил в Германии. Учился в Мелитопольском пединституте на физмате.

После успешного окончания вуза учился в аспирантуре у известного Брадиса, автора таблиц по тригонометрии. Защитился и стал кандидатом педагогических наук. Вначале работал учителем математики в школах Донбасса, Курска, затем много лет в Таганрогском пединституте, сначала доцентом, а затем профессором.

Был творческим человеком, обладал аналитическим складом ума. На страницах математических журналов щедро делился богатым опытом своей работы. Написал ряд книг по методике преподавания математики.

В «личной» жизни мы продолжали с ним непрерываемую даже на пару месяцев связь. Ездили друг к другу на свадьбы. Он женился несколько раньше. С женой — Татьяной — тоже выпускницей мелитопольского пединститута, имел трех детей и шестерых внуков...

...Пока он жил в Советском Союзе, а затем в России, мы дружили семьями, ездили друг к другу в гости. Чисто по материальным соображениям он вынужден был уехать в Израиль, но продолжал печататься в России. Мы с ним регулярно переписывались, и он приезжал ко мне на юбилей. Заболел тяжелой болезнью и на 75-м году жизни скончался.

Ну, а я — ДАВИД ИЛЬИЧ ГОРДОН. Если еще не надоело читать, то кратко расскажу о себе, тем более, что свой жизненный путь знаю лучше, чем кого-либо другого.

В эвакуации вместе с родителями жил в Сталинградской области, на далеком степном хуторе. Первый год работал в колхозе (работа в колхозе во время войны — отдельная интересная тема). Затем ходил за 12 километров в среднюю школу, где закончил семь классов. Добровольно, в 16 лет отроду, пошел в армию. Попал служить в школу морских летчиков, летал, но по состоянию здоровья был переведен в техническое училище в город Молотов (ныне Пермь). После окончания училища в 1946 году был направлен в распоряжение ВВС Тихоокеанского флота, а оттуда — в Порт-Артур на Ляодунском полуострове. Прослужил авиамехаником в истребительном полку до 1950 года. К счастью, мне удалось в Порт-ар-

турской вечерней школе получить среднее образование. Возвратился в свой Мелитополь, где с 1950 по 1954 год учился на литфаке пединститута. Был направлен на работу в Крым. Три года обучал детей в Кольчугинской средней школе Симферопольского района. Затем в том же районе работал директором вечерней школы в поселке Гвардейское. С 1963 по 2002 год работал с Мирновской средней школе близ Симферополя. Всего проработал в трех школах почти 50 лет, из них 30 лет директором школы. Сначала у кого только ни учился эффективной работе в школе, а затем обобщал и свой опыт работы. Опубликовал 20 статей во всесоюзном педагогическом журнале «Народное образование», затем издал 4 книги по работе и руководству школой. Затем меня «потянуло» рассказать о своей жизни.

Написал «Школьные годы чудесные», «Пусть сердце добром отзовется». Потом у меня получилась трилогия: «Повесть о нашей юности», «Незабываемые годы» и «На Ляодунском полуострове». И появилось страстное желание написать книгу о жизни нашего (моего) поколения, о нашем неповторимом детстве «Это было в Мелитополе».

Я счастливо женат. У нас два сына и трое внуков. Пенсионер, но пока, к счастью, активный. Что дальше? К сожалению, позади гораздо больше, чем впереди. Дышу. Радуюсь солнцу, общению с хорошими людьми. И теперешнее мое жизненное кредо можно так сформулировать: «Чему быть — тому не миновать!» Но это звучит как-то пессимистично, а я стараюсь быть оптимистом.

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю	3
------------------	---

Глава I

По улице Пахомова. «Мал золотник».	
Допрыгался. Дирижабль. Долой церковь.	
«Холодно — голодно». Репродуктор.	
Кузница. Голод: люди стали пухнуть.	
Кусочек хлеба. Рабочая столовая. Макуха. Торгсин.	
Я задерживаю «вора»	4

Глава II

В первый раз, но не в первый класс.	
Мы — «образцово-показательные».	
Первая учительница. Похвальные грамоты.	
Школьные принадлежности. Читаем запоем.	
Другие учителя. Наши игры.	
Ходим друг к другу в гости. Новогодние елки.	
Мы «стукаемся». Мы — пионеры. «Враги народа»	17

Глава III

Хлеб — всему голова. Пекарни Переца и Федорищенко.	
Очереди за хлебом. Хлеб детства.	
Хлеб как лакомство. Очереди как обязательный атрибут нашего бытия. И без воды не прожить	35

Глава IV

Городской базар. Ремесленный люд.	
Мы не сладкоежки. Костюм из «чертовой кожи».	
«Клуб выходного дня». Болеем и лечимся	45

Глава V

Артели и ремесленники. В морозные снежные зимы.	
Дом Ардировича. Река Молочная. Наводнение	56

Глава VI

Краснокосыночницы. «Шел отряд по берегу».	
День 1 Мая. Физкультурники. Кинофильмы.	
«Как закалялась сталь». Комсомольцы 30-х годов.	
Испанские события.	65

Глава VII

Мы «шкодничаем». Выборы в Верховный Совет.	
Субботник. Бульвар. Дворец пионеров.	79

Глава VIII

Городской сад. Духовой оркестр. Купальня.	
Парк культуры и отдыха. Тир и парашютная вышка.	
Стадион. Футбольные матчи.	88

Глава IX

«Малая Кагановическая».	
В походе. Как жить дальше?	95

Глава X

Город — сад. После летних дождей.	
Война. Военкомат. Город, полный забот и тревог.	
Почему мы отступаем?	106

Глава XI

Немцы бомбят Мелитополь. Начало эвакуации.	
Ехать — не ехать? Воздушный бой.	
Прощай, школа. Расставание с друзьями.	
Последний эшелон. Кое-что о героях этой книги.	114

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю	3
------------------	---

Глава I

По улице Пахомова. «Мал золотник», Допрыгался. Дирижабль. Долой церковь. «Холодно — голодно». Репродуктор. Куница. Голод: люди стали пухнуть. Кусочек хлеба. Рабочая столовая. Макуха. Торгсш. Я задерживаю «вора»	4
---	---

Глава II

В первый раз, но не в первый класс. Мы — «образцово-показательные». Первая учительница. Похвальные грамоты. Школьные принадлежности. Читаем заповедь. Другие учителя. Наши игры. Ходим друг к другу в гости. Новогодние елки. Мы «стукаемся». Мы — пионеры. «Враги народа»	17
--	----

Глава III

Хлеб — всему голова. Пекарни Переца и Федорищенко. Очереди за хлебом. Хлеб детства. Хлеб как лакомство. Очереди как обязательный атрибут нашего бытия. И без воды не прожить	35
---	----

Глава IV

Городской базар. Ремесленный люд. Мы не сладкоежки. Костюм из «чертовой кожи». «Клуб выходного дня». Болеем и лечимся	45
---	----

Глава V

Артели и ремесленники. В морозные снежные зимы. Дом Ардировича. Река Молочная. Наводнение	56
--	----

Глава VI

Краснокосяночницы. «Шел отряд по берегу». День 1 Мая. Физкультурники. Кинофильмы. «Как закалялась сталь». Комсомольцы 30-х годов. Испанские события	65
--	----

Глава VII

Мы «шкодничаем». Выборы в Верховный Совет. Субботник. Бульвар. Дворец пионеров	79
---	----

Глава VIII

Городской сад. Духовой оркестр. Купальня. Парк культуры и отдыха. Тир и парашютная вышка. Стадион. Футбольные матчи	88
---	----

Глава IX

«Малая Кагановическая». В походе. Как жить дальше?	95
---	----

Глава X

Город — сад. После летних дождей. Война. Военкомат. Город, полный забот и тревог. Почему мы отступаем?	106
--	-----

Глава XI

Немцы бомбят Мелитополь. Начало эвакуации. Ехать — не ехать? Воздушный бой. Прощай, школа. Расставание с друзьями. Последний эшелон. Кое-что о героях этой книги	114
---	-----